

Сергей ЛУКЬЯНЕНКО

КОНКУРЕНТЫ

Сергей Васильевич Лукьяненко

Конкуренты

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165890

Лукьяненко С. Конкуренты: фантаст. роман: АСТ; Москва; 2008

ISBN 978-5-17-053595-8

Аннотация

Если объявление на столбе приглашает вас стать пилотом космического истребителя – не спешите соглашаться, даже из любопытства. Всякое случается с людьми, решившими поиграть в компьютерную игру. Кто-то радуется, попав за штурвал настоящего космического корабля. А кто-то даже не успевает испугаться.

Потому что теперь с ними все будет по-настоящему.

Космос.

Корабли.

«Чужие».

И смертельные схватки на орбитах далеких звезд.

Содержание

Часть первая	4
Глава первая,	4
Глава вторая,	24
Глава третья,	47
Глава четвертая,	67
Глава пятая,	86
Глава шестая,	102
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Сергей Лукьяненко

Конкуренты

Часть первая
«Имею компьютер –
готов пилотировать!»

Глава первая,
в которой Валентин читает
странное объявление,
знакомится со странными
людьми и желает странного

Объявление висело на столбе между «Сдам квартиру только русской семье, только без детей, дорого!» и «Сниму венец наивности в делах». Вначале Валентин раздраженно посмотрел на первое объявление. Интересно, понимал ли пишущий, что если жилье будет сдаваться лишь бездетным русским семьям, то скоро русских вообще не останется?

Второе объявление вызывало, скорее, одобрение. Венец наивности в делах снимать надо. Пусть даже придется заплатить очередному шарлатану, выдающему себя за магистра белой, черной и серо-буро-малиновой магии.

Валентин достал сигареты и закурил.

«Венца наивности» у него не было. Квартира была. Семейой обзаводиться он пока не намеревался.

А потом его взгляд привлекло третье объявление.

Во-первых, оно было написано от руки. Очень аккуратным разборчивым почерком, но от руки. Во-вторых, по наглости, циничности и глупости оно не имело себе равных.

«Требуются пилоты орбитальных бомбардировщиков, космоистребителей, кораблей техподдержки. Возраст – от 18 до 45 лет, пол не имеет значения. Высокая оплата, медицинское обслуживание, страхование жизни. Контракт на срок от 3 лет. Обращаться по телефону: 8 916 654 0650».

Внизу объявление было разрезано на бумажную бахрому с номером телефона. Часть полосок была уже оторвана.

– Дим, глянь. – Валентин окликнул приятеля, топчущегося на обочине с поднятой рукой. Обычно в Москве такси ловится быстро, но сегодня был не их день. Точнее – не их вечер.

Дима подошел, глянул, не опуская вытянутой в сторону проспекта руки. Другой рукой он держал за веревочный хвостик коробку с тортом, что придавало его долговязой фигуре

сходство с подъемным краном.

– Игра.

– Что?

– Играют, говорю. Делать людям нечего, они и играют. Одни становятся эльфами и воюют с чудовищами. А другие в космосе воюют. Компьютеры сожрут человечество, вот увидишь. Вместо того, чтобы делом заниматься, люди дурыю маются. Геймеры...

– Уверен?

Дмитрий сплюнул.

– Нет, конечно. Это на самом деле вербуют во французский космический легион... Валька, ты чего? У меня брат все вечера за такими играми просиживает, скоро из института вылетит и в армию загремит. И я тебе скажу, что это ему пойдет на пользу! Поумнеет. А то у парня всех радостей в жизни, что он – маг первого уровня и умеет файерболлами кидаться. Даже девчонка его бросила...

Взвизгнув тормозами, к обочине с третьего ряда метнулась разболтанная «шестерка». Предоставив приятелю торговаться с кавказцем-водителем, который вначале зарядил цену в пятьсот рублей, а потом стал спрашивать, как проехать с шоссе Энтузиастов на проспект Андропова, Валентин изучал объявление.

Что-то его смущало. Несмотря на вполне убедительное объяснение.

Он протянул руку и оторвал полоску бумаги с телефоном.

Бумага. Вот что его смутило.

Мокрый грязный фонарный столб, который обдают брызгами машины, по которому струится дождь, на который садится пыль. Все объявления, хоть и наклеены недавно, серые и промокшие.

А этот листок – белый и сухой.

Почему сухой-то?

Валентин рывком сорвал объявление целиком и бросил под ноги в грязную лужу. Придавил носком ботинка. Убрал ногу.

Листок аккуратным белым прямоугольником всплыл из воды. На нем не было ни капельки, ни пятнышка.

– Черт... – Валентин нагнулся и подобрал бумагу. На ощупь – бумага как бумага.

Сухая и чистая.

– Валька! – Дмитрий уже забирался на переднее сиденье.

Спрятав объявление в карман, Валентин последовал за приятелем. В его руках весело позвякивал пакет с бутылкой шампанского и бутылкой коньяка.

Когда тебе нет еще и тридцати, каждый день рождения радует – как свой, так и чужой. Это позже начинаешь воспринимать неумолимо сменяющиеся цифры с раздражением: «и куда так спешить?».

Валентин курил на балконе восьмого этажа старой панельной многоэтажки. На этаж выше кто-то тоже смолил сигаре-

ту, но аккуратно, пепел вниз не стряхивая. За спиной Дима громко, в лицах, рассказывал анекдот про бедного инженера, которого взялась подвезти в Южное Бутово прелестная блондинка на дорогом кабриолете. Девчонки радостно хихикали.

На день рождения Юльки Валентин попал случайно. Похоже, Диме просто требовался спутник – холостой и в меру привлекательный, чтобы проводить домой Юлькину подружку... ну, или хотя бы вовремя увести и посадить в такси. На именинницу у Дмитрия были свои планы. Валентин же, весь вечер общаясь с подругой, понял, что у него никаких планов нет. Нет, поначалу девчонка ему понравилась. Но, господи, какая же она оказалась пустая!

Да, а вот лет десять... что там десять, лет пять, даже года два назад, это бы его ничуть не смутило! Не в институте же собрался с ней вместе учиться...

– Я старею, – сказал Валентин вполголоса. Выпитый коньяк требовал общения вслух.

– Это со всеми случается, – немедленно поддержали его с девятого этажа. – Не переживай.

Валентин поморщился и полез в карман за новой сигаретой. Черт бы побрал этих разговорчивых старичков-пенсионеров... Пальцы наткнулись на листок бумаги. С невольным раздражением Валентин вытащил листок (чистый, немятый), взял за краешек и поднес к уголку зажигалку.

Язычок пламени радостно лизнул бумагу.

Валентин ждал, пока колесико дешевой одноразовой зажигалки не раскалилось от огня. Потом осмотрел объявление, поднеся его к окну в комнату. Стер пальцами копоть.

Листок был целый.

Даже не обугленный.

Наверное, пластик. Есть же пластик, очень похожий на бумагу? Кажется, австралийские деньги на таком печатают. Или новозеландские? С виду как бумага, а не порвешь и не сожжешь...

Кому потребовалось писать дурацкое объявление на такой редкой бумаге?

Проклиная себя за глупость, Валентин достал мобильник и набрал телефонный номер. Пятница, одиннадцать часов, никто не ответит...

– Агентство по найму персонала «Звездный час» слушает! – ответил веселый молодой женский голос.

– Э... это очень хорошо, что слушаете. – Валентин ухмыльнулся. Игроки. Фанаты. Вывесили на столбе свой мобильный номер и готовы даже ночью отвечать. – Я звоню по объявлению. «Требуются пилоты...»

– Орбитальных бомбардировщиков, космоистребителей?

– Да.

– Ой, забыли снять, – сокрушенно ответили в трубке. – С пилотами уже как-то разобрались, сейчас больше требуются десантники, технические работники, повара, врачи...

– Ага. Значит, зря побеспокоил, – с сарказмом произнес

Валентин.

– Нет, нет, что вы! Это наша оплошность... так что мы изыщем для вас место. Из резервов. Что вас более привлекает – бомбардировщики, истребители, линейные корабли? Я бы посоветовала начать с истребителей, если, конечно, у вас нет опыта космических сражений.

– Как-то не довелось, – вздохнул Валентин. И неожиданно для себя самого добавил: – В ПВО служил.

– Ну, с какой-то стороны – смежная область, – хихикнула девушка. Почему-то Валентин сразу представил ее – худенькая, рыженькая, с веселыми глазами под строгими круглыми очками. Нет уж, еще телефонных романов с безумными игроками ему не хватало! – Значит, летного опыта не имеете?

– Не имею.

– Сколько вам лет?

– Тридцать пять. С половиной.

– Какие-нибудь серьезные болезни?

– Хроническая наивность.

Девушка хихикнула, будто он пошутил невесть как удачно.

– А летать не боитесь? С парашютом прыгали?

– Не боюсь, – мысленно Валентин добавил «особенно, когда выпью». – Не прыгал.

– Ну ничего, это не страшно, – утешила его девушка. – Приходите, мы все обсудим.

– Когда приходить?

– Да хоть сейчас. – В трубке опять засмеялись. – Мы работаем круглосуточно.

– И куда?

– Огородный проезд, дом пять. Спросите Инну. Рассказать, как добираться?

– Разберусь. – За спиной Валентина открылась дверь, и он, неожиданно смутившись, прервал связь.

Дмитрий заговорщицки подмигнул ему и громко сказал:

– Валек, ты Верочку до дома не проводишь? У нее родители строгие, поздно возвращаться не велят...

Верочка давно уже вышла из того возраста, когда согласовывают с родителями время вечернего возвращения домой. Но Валентин покорно подхватил под руку хихикающую Верочку и двинулся в прихожую.

Предусмотрительный Дима, которому не терпелось остаться с Юлей наедине, вызвал такси к подъезду. Валентин пропустил вперед Верочку, забрался следом.

– Куда едем? – равнодушно поинтересовался таксист. Верочка выжидающе посмотрела на Валентина. Тот благодушно улыбнулся в ответ.

– Семнадцатый проезд Марьиной Рощи, – мрачно ответила Верочка. Похоже, несмотря на «строгих родителей», она не оставляла надежду заночевать у Валентина. – Там, на углу с Огородным проездом...

Валентин вздрогнул.

Несмотря на ночное время, дверь была приоткрыта. Изнутри, из ярко освещенного коридора, доносилось бормотание телевизора. Шел футбол. Валентин помялся у двери, изучая табличку «Агентство по найму персонала „Звездный час“, круглосуточно, без перерывов и выходных».

Интересные дела. Здание никак не походило на обитель игроков. Большое офисное здание... наверняка недешевая аренда...

Требуются пилоты, значит?

Валентин вошел и сразу наткнулся на взгляд охранника, сидящего за столом. Похоже, пока он медлил у дверей, охранник, оторвавшись от портативного телевизора, где транслировали футбольный матч, наблюдал за ним по настенному монитору.

– Проходите, проходите, – дружелюбно сказал охранник. – Вы, наверное, Валентин Сафонов? По коридору, третья дверь налево...

Валентин не шевельнулся.

– Да, да, вы не называли имени. – Лицо охранника было воплощенным дружелюбием, что не так уж и просто для человека ростом под два метра, с квадратным подбородком и несколько раз ломанным носом. – Но у нас работа такая. Проверили номер мобильного, посмотрели, что вы за чело-

век...

– И как? – уточнил Валентин.

– Мы очень любим журналистов!

Валентин с сомнением покачал головой. И офис у них... дороговат для компьютерных игроков. И методы проверки – как в крупной корпорации. Но при этом демонстративное признание в том, что провели негласную проверку.

– Гол! – завопили в телевизоре. Охранник прильнул к маленькому экрану, потеряв к Валентину всякий интерес.

– А мы очень любим загадочные объявления, – сказал Валентин и прошел мимо охранника. Первая дверь, вторая...

Третья дверь была распахнута настежь. Просторная комната с четырьмя столами для приема посетителей. На каждом столе – компьютер, папки с бумагами. На подоконнике – чайник, чашки, коробки с печеньем и конфетами. В общем – обычная контора.

Занят был лишь один стол.

– Инна? – спросил Валентин.

Девушка была совсем не такая, как он представил. Пиджачок, юбка до колен – строгий офисный стиль. Высокая, но без худобы. Черные волосы уложены в простую гладкую прическу. Привлекательное лицо, но не такое, чтобы сразу врезалось в память. Очки и впрямь есть, но тоненькие, модные, не то настоящие очки, не то просто украшение... Лишь глаза насмешливые – именно таких глаз он и ждал.

– Проходите, Валентин. – Девушка привстала, указывая

на стул. – Садитесь. Чай, кофе?

– Потанцуем... – буркнул Валентин, усаживаясь. – Скажите, Инна, с какой стати вы устроили это... это детективное расследование? И по какому праву?

Девушка посмотрела на него честными и наивными глазами.

– Ну так ночь на дворе, Валентин Андреевич! Мало ли кто придет... страшно. А Васильич у нас хоть и ветеран спецподразделений и вообще мужчина серьезный, но один... Я и попросила – ты хоть глянь по телефонной базе, кто звонил, кем работает...

– Такие базы данных – незаконны, – сказал Валентин.

– Да вы что? – Инна округлила глаза так картинно, что сомнений не было: «включила дурочку». – Правда? А я на Савёле купила, думала – раз продают, значит, можно... Ну мы больше не станем ею пользоваться. Мы честные люди, мы не какие-нибудь мошенники...

– Да не валяйте вы комедию, – брезгливо сказал Валентин. – Да, я журналист. Да, пришел потому, что интересный материал можно найти и на столбе. Ну так как... требуются пилоты?

– Я нашла для вас одну вакансию! – Инна даже засмеялась и легонько захлопала в ладоши. Потом посмотрела на Валентина с сомнением. – Или... или вы совсем не интересуетесь такой работой? Вам нужен только этот... репортаж?

– Интересуюсь.

– Тогда смотрите. – Инна привычным движением развернула к нему монитор. Набрала на клавиатуре адрес www.starquake.ru. Щелкнула пальцем по вводу.

– Звездотрясение, – мрачно сказал Валентин, глядя на экран, где вращалась несуразная с виду, но очень разноцветная космическая станция. Космос черный-черный, звезды яркие и разноцветные, мельтешат какие-то кораблики, исчезают в радужных всполохах. – Игра?

– Игра, – с улыбкой подтвердила Инна. Валентин кивнул:

– И вам требуются пилоты для игры. Звездотрясуны.

– Какой вы смешной. – На этот раз Инна улыбаться не стала. – Для игры? Можно сказать и так. А можно – иначе.

– Ну так расскажите и так, и эдак.

– Это игра, – сказала Инна. – Разумеется, всего лишь игра. Но представьте себе, что давным-давно в далекой-далекой галактике все это происходит на самом деле. Космическая платформа с ангарами, лабораториями, складами. Планеты – необитаемые. Корабли. Все хорошо, да вот только не хватает людей.

– Пилотов?

– И пилотов тоже. Вы можете просто играть... а можете – отправиться туда... – Девушка кивнула на экран. – И попытаться поиграть всерьез...

– Ага. – Валентин с любопытством посмотрел на Инну. – Итак, вы предлагаете поиграть... ну, или на самом деле записаться в пилоты?

– Допустим. – Девушка кивнула.

– А высока ли оплата? Работа-то сложная и опасная. – Валентин с удовольствием перешел на серьезный и душевный тон.

– Но зато сколько приключений и впечатлений! Впрочем... все, что вам удастся заработать, вы вправе привезти на Землю.

– Соблазнительно. – Валентин покивал, внимательно оглядывая комнату. Нет ли скрытых камер? Любят телевизионщики развлекаться, снимать все эти бесчисленные шоу и розыгрыши... – Но дела, работа, старушка мама, детки малые...

– Мама ваша не старушка, детей у вас нет, – равнодушно ответила Инна. – Впрочем, никто не пострадает от вашего отсутствия. Дело в том, что вы останетесь на Земле.

– Почему-то не удивлен...

– И одновременно отправитесь в далекий космос. Ваше тело воссоздадут на станции, – она кивнула на экран, – и перепишут в него ваше сознание. Очень удобно.

– А... – протянул Валентин, включаясь в игру. – Удобно! Только можно не мое тело? Я хочу быть повыше, помускулистее... Еще я хочу быть негром...

– Не получится. Вы прожили почти двадцать девять лет в этом теле. Конечно, оно не в лучшей форме. – Инна мягко улыбнулась, смягчая резкость своих слов. – Но к чужому телу вам придется привыкать годами. Вначале – привыкать

дышать, есть, пить, контролировать сфинктеры. Потом – ходить, бегать, говорить. Нет, овчинка выделки не стоит. Если вы примете наше предложение, то окажетесь именно в своем теле. Ну... разве что цвет кожи... – Инна задумалась. – Если вы очень настаиваете...

Валентин оторопело смотрел на нее.

Как-то все пошло не так.

Они ведь оба прекрасно понимают, что это лишь игра! Шутка! Ему должны были пообещать хоть мускулатуру Валиева, хоть гибкость Джеки Чана! Всерьез обосновывать невозможность смены тела – это перебор.

– Боюсь, что и с цветом кожи могут возникнуть проблемы, – сообщила Инна. – Белый человек с черной кожей – это всего лишь крашенный белый. Чтобы стать негром, вам придется несколько изменить всю физиологию. Но вы не переживайте, белым быть совсем неплохо.

Они молча смотрели друг на друга.

– А если я погибну... там? – Валентин кивнул на дисплей. – Меня вновь оживят?

– Нет, конечно же. Во-первых, если вы погибнете, то этим покажете свою недостаточную квалификацию. А во-вторых, человек не может воскреснуть после смертного шока. Одно дело скопировать живого и здорового человека. Другое – воскрешать мертвого. Увы, мы не волшебники.

Обычный офис. Недорогие крутящиеся кресла. Корейские мониторы. Чайник на подоконнике. Печенье и конфе-

ты.

– А кто вы? – тихо спросил Валентин.

Инна выдержала несколько секунд паузы. А потом вновь улыбнулась:

– Мы? Конечно же, мы – агентство по найму персонала «Звездный час». Привлекаем людей для участия в компьютерной игре. Нет, вы же не допускаете всерьез, что... Или допускаете?

Валентин встряхнулся.

– Поскольку я собираюсь написать статью про современные игры, то будем считать, что допускаю... Так, скажите, а каков мой интерес, если я остаюсь на Земле, а туда, – он кивнул на дисплей, – отправится мой двойник? Будете присылать мне отчеты о его приключениях?

– Зачем же? Подключайтесь к игре, наблюдайте... А через три года, если все будет в порядке...

– Мой двойник придет ко мне и придется выправлять ему документы?

Инна засмеялась.

– Нет, конечно же. Просто его сознание перепишут обратно вам. И вы будете помнить не только свою московскую жизнь, беготню по редакциям, интервью с капризными звездами, посиделки с друзьями – а еще и приключения среди звезд, сражения, тайны, открытия...

– Звучит заманчиво. – Валентин кивнул. – Итак... допустим, я согласен.

– Допустим – или согласны?

– Согласен. Требуется что-то подписать?

– Да нет, зачем. Мы не формалисты. Согласие выражено в явной форме, все в порядке. Идемте, Валентин.

Вслед за девушкой Валентин вышел в коридор. Они прошли мимо закрытых дверей, мимо кулера с холодной и горячей водой, мимо кофейного автомата, каких-то унылых бюрократических циркуляров на стене и неизбежного «плана эвакуации при пожаре». В торце коридора, напротив входа, была еще одна дверь – массивная, обшитая деревом, но такой толщины, что походила на вход в банковское хранилище. Инна достала из кармана связку ключей. Один, второй, третий... Потом быстрый набор цифр на панельке кодового замка – панель засветилась зеленым, послышался писк зумера.

– Ого, – сказал Валентин.

Инна повернулась к стене. Только сейчас Валентин заметил прикрученную рядом с дверью коробку из зеленовато-серого пластика. Из коробочки торчал окуляр с резиновой манжетой – Инна сняла очки и прижалась к окуляру, будто высматривая что-то. Коробочка пискнула. В двери раздались щелчки, послышался легкий гул.

– Открывайте, – сказала Инна, снова пряча глаза под стеклами. – Дверь тугая...

Валентин потянул за ручку, ожидая увидеть за дверью что-то из декораций фантастических фильмов: лабораторию

безумного ученого, с мигающими лампочками на огромных нелепых машинах, или ангар, посреди которого стоят «звездные врата» инопланетного дизайна...

За дверью была улица. Капало с крыши. Рябили от мороси лужи. Бездомный пес рылся в груде мусора возле переполненного бака. От бака ощутимо пованивало.

– Ресторан здесь, вечно мусор не вовремя вывозят, – извинилась Инна. – Проходите.

Валентин шагнул в дверь.

На миг он ощутил тоскливую холодную пустоту в груди – будто сердце засбоило, пропустило удар, замерло, раздумывая, не потребовать ли от хозяина отпуск... В глазах защипало. Нога ухнула в пустоту.

– Ступенька, милорд, осторожно, милорд! – весело напела за спиной Инна. – Не упадите!

Валентин протер ладонью глаза. Спустился по трем обшарпанным каменным ступеням. Посмотрел на Инну – темный силуэт в прямоугольнике открытой двери.

– Ну? И куда идти?

– Направо, потом снова направо. Выйдете обратно на Огородный проезд.

– А... – Валентин замялся. – А как же вы меня отправите в этот... дальний космос?

– А вы уже там. – Инна развела руками. – У нас все быстро и без бюрократии. Удачи, Валентин. Если через три года с вами *там* все будет хорошо, то с вами *здесь* свяжутся.

Дверь мягко захлопнулась. В ней что-то пощелкивало, будто задвигались невидимые ригели многочисленных замков. С улицы дверь оказалась металлическая, грубая, краска на стали облупилась.

Валентин выругался. Постучал в дверь кулаком.

Никакого эффекта.

От пары фонарей, освещавших двор, толку было мало. Валентин достал зажигалку, подсветил.

Ну да, с этой стороны ни ручки, ни замка. Глухое железо.

И кое-где на нем выцарапаны и написаны слова:

СВОЛОЧИ!

ВЕРНИТЕ МЕНЯ!

ПОПЛАТИТЕСЬ!

Но в основном надписи были нецензурными.

– Любители дешевых эффектов, – пробормотал Валентин. Пнул дверь, но осторожно, чтобы не отбить ногу, и пошел направо. Пес подозрительно покосился на него, Валентин сделал вид, что подбирает с земли камень. Обиженно гавкнув, собака скрылась за баком.

Выйдя на Огородный, Валентин заколебался. Но все же

подошел обратно к двери агентства.

Закрыто.

– Ну да. – Валентин постучал. Выждал, постучал еще.

Клацнули замки, дверь открылась. Заспанный пожилой человек с выпирающим над ремнем пузом недружелюбно спросил:

– Ну, чё тебе?

– А... – Валентин заглянул через его плечо. Телевизор на столе выключен, в коридоре свет погашен. – А мне в агентство!

– Пить надо меньше, – сказал охранник. – Ночь на дворе.

– Так вы же без перерывов и круглосуточно...

– Круглоуюточно! Какой дурак ночью пойдет в агентство?

Дверь захлопнулась.

Валентин посмотрел на табличку.

Агентство по найму персонала

«Звездный час»

**Открыто с 10.00 до 19.30,
перерыв с 13.00 до 14.15.**

Почему-то его добила «четверть третьего».

– Не перерабатывают, – сказал Валентин сам себе с невольным восхищением. – Нет, вот ведь паршивцы!

Розыгрыш.

Дурацкий и умеренно сложный.

Но зачем?

– Очень смешно! – громко сказал Валентин. – Я постараюсь написать про вас такую же смешную статью!

На его беспомощную угрозу никто не отреагировал.

В довершение всего машину Валентин поймал только через полчаса, когда дошлёпал по лужам до Алтуфьевки.

Глава вторая, в которой я понимаю, что получил все сполна и даже больше того

На миг я ощутил тоскливую холодную пустоту в груди – будто сердце засбоило, пропустило удар, замерло, раздумывая, не потребовать ли от хозяина отпуск... В глазах защищало. Нога ухнула в пустоту.

– Ступенька, милорд, осторожно, милорд! – весело напела за спиной Инна. – Не упадите!

Я протер ладонью глаза.

Отнял руку от лица.

И замер.

Мусорного бака, бродячей собаки, луж – больше не было. Не было дождя.

Не было и двора, собственно говоря.

Маленькое квадратное помещение. Под потолком – несколько круглых плафонов, светящихся неярким белым светом. Один плафон раздражающе мигал. Стены, потолок, пол – все черное, металлическое, грубое, грязноватое. Особенно пол...

Я обернулся – за спиной оказалась невысокая прямоугольная арка. Тоже металлическая, но почище и матово-серая. От арки шел легкий запах озона.

Почему-то я не запаниковал.

Только сердце забухало в груди.

Собственно говоря, объяснение могло быть только одно. Для розыгрыша все было умопомрачительно сложно, в галлюцинации или гипноз я не верю. Выходит...

Выходит, я не на Земле?

Я в этом самом далеком-далеком космосе, куда так опрометчиво попросился. Требуются пилоты. Три года. Потом – возвращение... если выживешь.

Я вдруг представил, как там, на Земле, я вышел из здания и пошел, ругаясь и пребывая в полной уверенности, что над ним подшутили, ловить машину. Пальцы сжались в кулаки. Злиться на себя – глупо, но сейчас я злился. Даже больше, чем на прикидывающуюся простушкой Инну. Увидеть бы ее сейчас... так ведь осталась на Земле.

Выйдя на центр зала, я огляделся. Если я вошел... перенесся через эту арку, то должен быть и другой выход. Более обычный.

Словно в ответ на мои мысли, в стене заскрежетало. Гладко пригнанная, почти неразличимая дверь открылась вовнутрь.

И я увидел Инну.

Вот только облегчения мне это не принесло. Да, это была та самая девушка, которая только что открывала передо мной дверь. Вот только выглядела она совсем другой.

Комбинезон из серебристо-серой ткани, множество кар-

манов, какие-то сумочки, притороченные к поясу, высокие ботинки, нашивки на рукавах... Что-то среднее между туристическим снаряжением и военной формой, обычно такое носят мужики, старающиеся выглядеть мужественнее. Кожаная планшетка в руке тоже добавляла милитаристских аллюзий.

Ну ладно, это, в конце концов, ерунда.

Очки в другой оправе – тоже мелочь.

И на светлые волосы можно не обращать внимания, для женщины перекраситься – все равно что для мужчины рубашку сменить.

А вот то, что на лице у Инны не было ни грамма косметики – вот это серьезно. Я таких девушек хорошо знаю. Они могут и ватник надеть, если на даче предстоит поработать. Но вот не подкрасить губы, глаза, хоть чуть-чуть за собой не поухаживать, перед тем как выйти на люди – никогда!

Я один такой случай знал. Из редакции, где мы вместе работали, девчонка-фотокорреспондент поехала на Кавказ, три месяца провела в «горячей точке». Когда вернулась обратно – вроде все было нормально. В глазах, правда, что-то неуютное появилось, но это если всматриваться. А вот про косметику она словно забыла. Нет, за собой следила, все было нормально, но вот помаду или тушь у нее ни в руках, ни на лице несколько месяцев обнаружить было нельзя. Будто она не понимала, зачем это вообще нужно.

– К чему весь этот цирк? – спросил я.

Инна поморщилась. Потом понимающе кивнула.

– Вас, очевидно, отправляла... я?

– Вы.

– Все не так, как вы подумали. Два года назад я сама за-
вербовалась на Станцию. Так что извините... но за ту дуру,
что сидит в офисе на Чистопрудном, я не отвечаю!

– Не на Чистопрудном. На Огородном проезде.

– О Господи, опять переехали... – Инна махнула рукой. –
Вы как, в порядке? Пойдете со мной?

– А у меня есть выбор? Можно вернуться?

– Нет. Но вы можете упереться и сидеть здесь, пока не ого-
лодаете. Силой вас никто никуда не потащит. Как вас зовут?

– Валентин.

– Меня Инна... впрочем, вы же знаете. Я здесь отвечаю
за прием рекрутов. Идем?

Я пожал плечами.

Если это все правда, то никакого смысла буянить нет. Ес-
ли я и впрямь стал жертвой невероятно сложного розыгры-
ша, то тем более. Напротив. Надо вести себя спокойно и
невозмутимо, но одновременно иронично. Так, чтобы со сто-
роны невозможно было понять – верю я в происходящее или
изящно поддерживаю розыгрыш...

– Идем, конечно, – сказал я. – Раньше сядем, раньше вый-
дем.

Инна испытующе смотрела на меня. Потом переложила
планшетку из правой руки в левую. Оказалось, что в руке,

пряча под планшеткой, она держала пистолет – маленький, блестящий.

– Ого, – сказал я.

– Некоторые слетают с катушек, – пояснила Инна. Поколебавшись, спрятала пистолет в кобуру на поясе.

– И вы в них стреляете?

– Да это же парализатор! – Она улыбнулась. – Десять минут покоя и чуть-чуть позора.

– А позор откуда?

– Из мокрых штанов. Идите вперед, Валентин.

Она посторонилась, пропуская меня, – и я вышел в полутемный коридор метров десять длиной.

Неприятное ощущение, когда не до конца понимаешь, что происходит. Уж лучше неприятная правда, чем томительное ожидание.

– Вы все еще не можете понять, где находитесь? – спросила Инна.

– Да.

– Подойдите к окну.

Только тут я понял, что правая стена коридора не металлическая, а стеклянная, только серая, матовая, непрозрачная. Закрытая снаружи какими-то ставнями?

– Смотрите...

Инна что-то делала с наручными часами. Хотя – часы ли это были? Широкий браслет, большой экран...

Мне вдруг стало нестерпимо страшно. Захотелось, как это

ни нелепо, выкрикнуть: «Не надо!».

Но было уже поздно – стекло стало прозрачным. Никаких ставней не было, наверное, само стекло было поляризованным.

За стеклом была бездна.

А в бездне – звезды.

Яркие – такие яркие, что казались огромными, хоть глаз и не чувствовал размера. Немигающие – не было воздуха, который заставляет их мерцать. Разноцветные – желтые, красные, белые, синеватые...

А где-то на самом краю окна переливалось и кружилось радужное свечение – будто северное сияние скомкали, подвесили в пустоте и закрутили вокруг оси. У меня перехватило дыхание – это было и красиво, и одновременно жутко.

Я оперся обеими руками о стекло, то ли стараясь убедиться, что между мной и космосом есть преграда, то ли чтобы удержаться на ногах.

– Теперь верите? – В голосе Инны слышалось сочувствие.

– Это же... не экран? – спросил я. – Это настоящее?

– Более чем.

Стекло снова помутнело.

Я повернулся к Инне – девушка смотрела на меня с любопытством и, кажется, с уважением.

– Некоторые начинают вопить, – сказала она. – Некоторые лезут в драку. А некоторые рыдают как дети.

– Почему вы покрасились? – спросил я.

– Чего? – Первый раз она растерялась.

– Почему вы выкрасили волосы?

– Я их не красила. Я блондинка. – Она вдруг покраснела, сильно и стремительно.

– Но... на Земле...

– Я крашу волосы в темный цвет, понятно? Потому что каждый идиот, который носит брюки, уверен, что блондинки – дуры и не думают ни о чем, кроме как о постели!

– А здесь?

– А здесь просто нет краски для волос! – Инна замолчала. Спросила: – Слушайте, Валентин, к чему был этот вопрос?

– В себя пытаюсь прийти, – честно сказал я. – А это лучше всего делать, задавая странные вопросы.

Инна фыркнула.

– Оригинальничаете? Идемте, у меня дел по горло. Вас никто не ждал, набор пилотов завершен неделю назад...

– Спасибо, мне уже сообщили.

– Слушайте! – Инна вдруг оживилась. – Вы всерьез хотите туда? – Она кивнула на стену. – Вам что, приключений хочется? Так приключения, знаете ли, часто бывают с печальным исходом.

– Что, есть варианты?

– Есть. – Инна кивнула. – Повар нужен позарез. Готовить умеете? Вы вообще-то кто по специальности?

– Журналист.

– Боже, ну и подвалило счастье. – В голосе Инны прозвучало разочарование. – Акула пера...

– Не любите журналистов?

– При чем тут любишь – не любишь? Нет у нас тут потребности в журналистах... Врачи, повара, техники... Машина есть?

– Есть, – признался я и зачем-то добавил: – «Рено».

– Да хоть бы и «роллс-ройс». Любите в железках возиться, чинить там чего-нибудь?

– Я карбюратор от аккумулятора не отличу.

– Ну и мужики пошли. – Вот теперь Инна выглядела удовлетворенной. – Похоже, руками что-то делать только китайцы могут. А вам... или летать и стрелять, или всякой дурью заниматься. Неделю назад скрипача прислали, представляете?

– Скрипач не нужен?

– Не нужен, но пристроили... куда ему в космос-то. Теперь в баре пикирует. Хорошо хоть скрипка с ним была... Нет, ну вы представьте, домашний мальчик восемнадцати лет из хорошей семьи, по имени Леонид Левинсон поссорился с мамой и завербовался к нам. В иллюминатор посмотрел – и грох в обморок! Скрипку, однако, перед тем как упасть, бережно прижал к животу.

– Инна, я очень люблю тех, кто много говорит, – сказал я. – Но если бы вы вначале ответили на мои вопросы, нам обоим было бы проще.

Девушка замолчала. Испытующе посмотрела на меня, кивнула:

– Хорошо. Заслужили крепкими нервами. Профессиональное, наверное? Идемте, сядем спокойно, я вас угощу кофе и отвечу на все вопросы. Поверьте, скрытничать никто не собирается... так же как и возиться с вами...

* * *

Если бы не иллюминатор, я бы решил, что нахожусь в обычной однокомнатной квартире. Стены оклеены обоями – желтенькими в полосочку, потолок вроде как пластиковый, натяжной, но самый обычный, матово-белый, в центре свисает лампа на три рожка из мутного стекла. На полу темно-серый линолеум, расцветка «мечта лентяя». Мебель простенькая, как из ИКЕИ, но вполне обычная – в углу диван-кровать, рядом гардероб, посередине стол и три стула, у стены шкаф с полупустыми полками: немного книг, маленький музыкальный центр, немного дисков, немного всякой мелочевки, что всегда накапливается на полках. Одна дверь, наверное, в ванную комнату. Другая, открытая, на крошечную кухню.

Если бы не иллюминатор...

Пока он был задернут шторами, я ничего и не замечал. Но Инна усадила меня за стол и отдернула занавеску.

А за ней было круглое окно диаметром в метр, за окном

– черный космос и разноцветные звезды.

– Настоящий иллюминатор, между прочим, не экран, – бросила Инна мимолетно. – Большая редкость в жилых помещениях.

– Удобно, всегда можно проветрить, – мрачно сказал я.

Девушка засмеялась.

– Нет, вы мне положительно нравитесь... Такая невозмутимость... Валентин, давайте для начала покончим с маленькой формальностью?

– Какой?

– Мне нужен ваш анализ крови.

Инна полезла в ящик стола, извлекла оттуда пузырек с прозрачной жидкостью, комок ваты, заткнутую пробкой пробирку, иголку в прозрачном пакетике (память вдруг выдала слово «скарификатор»).

– Зачем? – настороженно спросил я.

– Ее выпьют инопланетные монстры. Нет, не так. Безумные ученые будут проводить над ней генетические эксперименты. Нет, лучше мы используем ее для заговоров и ворожбы... Да что вы напрягаетесь, Валентин? Нам нужно знать вашу группу крови – мало ли что может случиться?

– Я и так ее знаю. Вторая положительная.

– Простите, но мы доверяем только своей лаборатории. Вы боитесь уколов?

Вздыхнув, я протянул руку. Инна мазнула по пальцу смоченной в спирте ваткой, быстро кольнула иглой. Было почти

не больно.

– Держите палец над пробиркой... мне нужно всего пару капель.

Зажав укол ваткой, я смотрел, как Инна закрывает пробирку, уносит на кухню, там прячет в какой-то белый шкафчик. Холодильник? Очень похож.

Я смотрел на нее через открытую дверь. Инна наполнила из пластиковой бутылки чайник – тоже вполне обычный с виду, включила. На кухне была крошечная мойка, маленькая электрическая плита и совсем уж крохотный столик, под которым пряталась табуретка. Одному можно и на кухне позавтракать, вдвоем уже не уместись.

– Нет, вы точно решили запастись компонентами для «Кровавой Мэри».

– Все шутите?

– Это с перепугу...

– Знаете, с перепугу себя ведут иначе. Я тут, как-никак, два года... Вам покрепче?

– Если можно.

Инна хмыкнула, открыла маленькую баночку и аккуратно отмерила в большую чашку две ложки растворимого кофе.

– Можно... в честь прилета. Молока не предлагаю, кончилось... Сахар?

– Нет, спасибо. – Я поймал себя на том, что упорно кошусь в иллюминатор, и перевел взгляд. А фигурка у нее хорошая... даже идиотский мешковатый комбинезон не пор-

тит...

– Не смущайтесь, с сахаром проблем нет.

– Я не смущаюсь.

Инна вернулась, поставила на стол чашки, вазочку с печеньем. Подперла голову руками, задумчиво посмотрела на меня.

– Итак? – спросил я, пробуя кофе. Вполне нормальный кофе, ничего необычного.

– Три года назад я устроилась на работу в агентство «Звездный час», – сказала Инна. – Там как раз сменился владелец, и набирали новый персонал. Выглядело все немного странно: объяснили, что агентство теперь занимается набором персонала для компьютерных игр. Но люди же и впрямь любят играть, я подумала, что это интересное направление бизнеса... а зарплату пообещали очень хорошую, никаких выплат «в конвертах», никаких испытательных сроков... В общем, я согласилась. Мы въехали в новый офис, ничего необычного там не было, кроме запасного выхода. Там была смонтирована какая-то специальная дверь, с кучей замков, даже со сканером сетчатки. Хозяин объяснил, что это для создания атмосферы игры – всех, кто подписал контракт на «работу» пилотом, надо выпускать через эту дверь. Мы должны были всем объяснять, что, пройдя через дверь, человек как бы раздвоится. Один отправится к себе домой, а другой – перенесется в глубины космоса на космическую платформу, которая служит базой для космических кораблей.

– А кто у вас хозяин?

– Его звали Аркадий Самойлов. – Инна пожала плечами. – Да вы пейте кофе, остынет... Обычный человек. Такой... бизнесмен средней руки. Ездил на новеньком «БМВ», одевался со вкусом, ходил иногда с охранником, а иногда и без. Очень вежливый, с девчонками вроде как немного флиртовал, но руки не распускал, с мужиками мог постоять, покурить, потрепаться о футболе, анекдот рассказать. Хороший начальник, на самом деле... И вот когда он демонстрировал нам эту дверь, я его и спросила: а кто там, на этой «платформе», встречает наших клиентов? Он засмеялся, говорит: «Уместный вопрос! А давайте вы будете их встречать?» И я, как полная дура, хихикнула и пошла в дверь, крутя попой...

В голосе Инны прорезалась горечь.

– Дальше понятно, – сказал я.

– Ну да. Там, очевидно, я вернулась в офис и стала работать. А здесь... а здесь я стояла в том зале, откуда вас привела, и орала в голос. Минут пять, наверное. Потом вышла, дверь была открыта. Стала тут ходить. Вскоре поняла, что все всерьез... вышла прямо в главный ангар... ну, там я еще минут десять вопила. Стало совсем уж ясно, что не розыгрыш. Но это так скучно, если честно, устраивать истерику, когда нет зрителей!

Я усмехнулся. С иронией у нее все было в порядке. Может, зря на блондинок наговаривают?

– Вечером появились еще трое ребят из конторы. Затем

еще двое. За несколько дней мы тут более или менее разобрались, что к чему... А потом пошел вал. Десять, двадцать, тридцать человек в день. Они, конечно, все были растеряны и перепуганы. К счастью, мы к тому моменту уже нашли арсенал, синтезатор пищи, склады. Настроили замки на себя... в общем, анархии не допустили. – Она помолчала. – Хотя пришлось и стрелять. Первый месяц дня не проходило без трупа.

– Без чего?

– Без трупа. Люди разные бывают. Некоторые, попав сюда, с перепугу начинают на всех бросаться. Но это еще ничего, их достаточно успокоить. А бывают такие, которые сразу все понимают, но решают, что законы остались на Земле, а тут будет право сильного. Приходилось объяснять, что сильный – это тот, у кого ключи управления платформой и оружие.

– Не бойтесь, что я такой?

Инна мгновение размышляла.

– Нет. Я многих повидала, привыкла своему впечатлению доверять.

– Так чья это станция? Кто здесь главный?

– Обычно говорят не станция, а платформа. Еще чаще – Плюшка.

– Почему?

– Так ведь по форме похожа. – Инна улыбнулась. – А главные – мы. Те, кто здесь живет и работает.

– Но ее же кто-то создал?

– Ну да. Только нам не озаботились сообщить.

Я подумал немного.

– Инна, но здесь все очень человеческое...

– Мы обжились понемногу. Думаете, эти обои на стенах из магазина? Это не обои вовсе, это один из видов ткани, которая на платформе производится. Люстра – колбы из химической лаборатории. А если заберетесь на стул и заглянете в плафоны, то увидите, что таких лампочек на Земле не производят. Очень многое можно сделать привычным, если очень этого захотеть.

– Но если здесь есть приборы, техника... на каком языке надписи?

– Ни на каком. Все индикаторы аналоговые. Растет скорость – светящийся столбик на экране увеличивается. Что-то переключилось – загорелась пиктограмма. Как правило, понятная. – Инна усмехнулась. – Хотя только через полгода пилоты разобрались, что в кораблях есть туалет. А еще через месяц научились выбрасывать отходы в космос, не разгерметизируя весь корабль.

– Значит, все мы оказываемся на непонятно кем построенной станции... ну, на платформе, с которой можно улететь на космическом корабле?

– Ну да. Кораблей здесь хватает. И больших, и маленьких.

– А если...

– Нам забыли сообщить, в какой стороне Земля. – Она угадала мой вопрос.

– И сколько здесь народа?

– Сейчас, думаю, тысяч пятнадцать.

– Ничего себе платформа. Не тесно?

– Ну что вы, Валентин. На платформе никогда не собираются все сразу. Большая часть людей – пилоты, они в космосе проводят в десять раз больше времени, чем здесь.

– Зачем? – глупо спросил я.

– Во-первых, многим это нравится. – Она усмехнулась. – Во-вторых, жить-то надо. Или вы думаете, что у нас коммунизм?

Я пожал плечами.

– Платформа может производить все, необходимое для жизни. Кое-какие предметы роскоши нам забрасывают с Земли. Полагаю, благодарить за это надо господина Самойлова.

– Какие еще предметы роскоши?

Инна кивнула на полку.

– Диски с музыкой и кино. Проигрыватели для них, экраны... Книжки. Даже кое-что лишнее на мой взгляд – настоящий алкоголь, табак... А иногда какую-нибудь ерунду, которая вроде и не нужна, но ее здесь просто нет. К примеру, в первый же месяц нам переслали клетки с кошками.

– Чего? – Я рассмеялся. – Тут что, мыши водятся?

– Нет, Валя, не водятся. Но если бы вы знали, сколько у нас сейчас стоит самый обыкновенный котенок породы московский подвальный! Я не последний человек в администра-

ции платформы, а позволить себе завести кошку не могу. Год назад щенков передали, ну так собака – это вообще немислимая роскошь. А однажды прислали целый ящик плюшевых игрушек. Китайские, из синтетики, зайца от крокодила не сразу отличишь. Так вначале за них все бабы передрались, якобы «для будущих детей», а потом и мужики присоединились. А на самом деле они с этими разноцветными уродцами летают, они у них вместо талисманов. Разговаривают с ними... может, даже кормят и поят...

– У вас тут и дети рождаются?

– Нет. Еще ни разу ни у кого. Потому и смешно... «для будущих детей»... – Инна усмехнулась. – Сексу, впрочем, ничего не мешает. Кстати, запомните, что приставать к чужой женщине – одно из самых серьезных преступлений. Даже просто флиртовать. У нас тут не матриархат... к сожалению. Но право выбора всегда остается за женщиной, с этим строго. Иначе все друг друга перестреляют... Да, я отвлеклась. Вы спрашивали, почему люди идут в пилоты. Так вот, во-первых, многим это нравится, потому что на платформе элементарно скучно. А во-вторых, это работа. Чтобы платформа могла производить пищу, одежду, космические корабли, энергию, воздух – ей нужны ресурсы. Металлы, замороженные газы, кремний, органика... очень много всего. Поэтому люди летают к соседним звездам, добывают все это на астероидах, на планетах земного типа... понятно, что газовые гиганты нам по большому счету бесполезны. Привозят,

сдают в распределительный центр и получают на свой счет то или иное количество кредитов.

– А те, кто не летает?

– Это уже зависит от того, что вы можете делать. Сразу говорю – нужны инженеры, техники и программисты. Мы пытаемся разобраться в механизмах платформы. Понять, как и кем она построена, как работает, улучшить наши космические корабли. Кое-что получается. Нужны рабочие, очень сильно нужны. Самые банальные профессии – слесари, столяры, токари... лишь бы умели работать руками. Нужны врачи, их мало. Опытный повар не помешает. Опять же гениальный певец или музыкант, наверное, пригодится. Людям не хватает развлечений, понимаете? Человек несколько недель или месяцев проводит в космосе, тяжело трудится, рискует жизнью. Потом возвращается на платформу, получает деньги и хочет отдохнуть.

– Культурно отдохнуть... – Я попытался скрыть растерянность за иронией.

– Конечно. Какой-нибудь фокусник или жонглер будет зарабатывать не меньше удачливого пилота. Эх, ну почему циркачи не любят компьютерные игры!

Я развел руками. Спросил:

– А если я начну выпускать газету?

– Печатный станок с собой захватили? Или сумеете построить?

– Ну у вас же есть инженеры...

– Есть. Их труд очень дорог. Они ковыряются в железах непонятного происхождения, пытаются понять, для чего предназначены те или иные микросхемы и агрегаты. Иногда в процессе этого изучения они гибнут или калечатся. У вас есть тысяч десять кредитов, чтобы оплатить месячный труд хотя бы одного инженера? А ведь он за это время может сложить из кучи непонятных деталей новую пушку, которую ждут пятнадцать тысяч пилотов! И каждый заплатит хотя бы по десятке...

– Вы что, тут еще и воюете?

– Валентин, я же вам объясняю – здесь самые обычные люди. Добрые и злые, простые и хитрые, щедрые и жадные. Вот представьте, вы месяц работали, ковыряли диггером астероид... диггер – это специальный модуль корабля, который перерабатывает горные породы. И вы нарыли чего-то ценного. Несколько тонн урана, чистый вольфрам... да не важно. Летите обратно к платформе. А навстречу вам ленивый, жадный и злой пилот, которому хочется заработать быстро и без труда. Он разносит ваш корабль на кусочки, забирает груз и возвращается. Ясно? А вы болтаетесь в жилом модуле, посылаете сигналы SOS и надеетесь на то, что вас услышит кто-нибудь добрый и великодушный. Конечно, у нас существует Патруль – группа добровольцев, которая следит за порядком и приводит в чувство самых агрессивных. Но за всем они уследить не могут... как и милиция на Земле.

– Так какой у меня выбор?

– А никакой. – Инна улыбнулась, вполне по-доброму, но голос ее остался серьезным. – Вот твое удостоверение личности, кошелек и мобильный в одном флаконе... Ну и часы, конечно же...

Она достала из одного из многочисленных карманов запакованные в пластик часы, такие же как у нее самой. Разорвала пакет, что-то нажала на экранчике, удовлетворенно кивнула.

– Вот. Левая кнопка – управление твоими деньгами. Нажимая ее, ты подтверждаешь снятие денег или принимаешь их на свой счет. Надень!

Я молча надел «часы» на правую руку, снимать с левой свой дешевый «Swatch» не хотелось. Металлический браслет был неразъемным, но упругим, я просунул в него руку – и «часы» плотно легли на запястье.

– Мы называем эту штуку «комм», от слова «коммуникатор». Кстати, он настроится на тебя. Управлять им сможешь только ты сам... Итак, я перевожу тебе стартовые деньги – полторы тысячи кредитов... Появились зеленые цифры?

– Появились, – сказал я, глядя на экран. – Кстати, а цифры...

– Раньше была полоска индикатора. Но это очень неудобно. Полгода назад наши программисты сумели перенастроить коммы... Чего ждешь, нажми левую кнопку.

Я нажал. Цифры мигнули и погасли.

– Если цвет красный – значит, с тебя запрашивают деньги за что-то. Платить не торопись, разберись, кто просит и за что. Новичков обижать не принято, но отморозки всегда найдутся. Идем дальше. Центральная кнопка – это пятипозиционный джойстик, им можно управлять всем коммом. Но в первую очередь – телефоном. Связь действует только в пределах платформы, разумеется. На других планетах, если там нормальное поселение и установлен ретранслятор, будет местная связь.

Браслет завибрировал и тонко загудел. На экране высветилась цифра 1 и мигающий значок в виде динамика.

– Полифонии нет, извини, игрушек и фотоаппаратов тоже. – Инна усмехнулась. – Прими звонок. Да просто нажми джойстик!

Я нажал.

– Приветствую на Плюшке, новичок, – отчетливо послышалось из часов. Мне показалось, что экран слегка вибрирует, ретранслируя мужской голос. – Мы тебе рады, ляля-ля и тому подобное. Инна далеко?

– Нет, рядом.

– Все тебе объяснила?

– Как сказать...

Невидимый собеседник хихикнул.

– Разберешься. Значит, так – мой номер первый. Это ничего не значит, просто диспетчерская, экстренная помощь, ну и советы тебе будем давать на первых порах. Кто тебе бу-

дет отвечать – не важно, кто-то из более или менее опытных. Захочешь связаться – вызовешь номер один. По пустякам лучше не дергай, а то обидимся. Все, бывай. Инночка, целую нежно!

Экран погас, на нем проступили неяркие цифры – время.

– А говорили – даже флиртовать нельзя, – заметил я.

– Нам можно, мы тут старожилы, – ответила Инна. – Ну и третья кнопка – идентификатор. Нажимаешь ее, чтобы открыть двери, подтвердить свою личность и все такое прочее. Учти, что твой статус на платформе низкий, далеко не везде ты можешь пройти без сопровождения. В некоторые места для тебя вход платный, сам решай, идти или нет... Нажми.

Я нажал. И сказал:

– Теперь тут появились цифры... четыре два три один шесть.

– Это твой номер, – сообщила Инна. – Сорок две тысячи триста шестнадцатый.

– Ты же говорила – пятнадцать тысяч человек... – сказал я.

– На станции около тысячи, в космосе еще пятнадцать. Это те, кто жив. А вообще-то ты в сорок третьей тысяче попавших сюда людей.

– Оптимистично, – глядя ей в глаза, произнес я.

Инна усмехнулась.

– Ты не горюй. Больше всего потерь было в первый год, по неопытности. Сейчас... ну, я бы оценила твои шансы вы-

жить в течение года как пятьдесят на пятьдесят. Видишь – тебя встретили, все объяснили, дали денег на первое время... Сейчас я еще посмотрю, кто из пилотов на Плюшке, и подберу тебе инструктора.

– Если можно, хорошего.

– Это уж как звезды лягут.

Глава третья, в которой я получаю корабль, прозвище и по морде

Кофе меня чуть взбодрил. Я посмотрел на свои часы – если верить им, то было шесть утра. Впрочем, и коммуникатор показывал пять минут седьмого. Ну, логично. Первые люди сюда попали из Москвы, вот и времени придерживались своего.

Я с тоской понял, что уже не пытаюсь убедить себя в розыгрыше, галлюцинации или внезапном умопомрачении.

– Ты ногами-то быстрее перебирать можешь? – спросила Лена.

Инструктор мне достался женского пола. Если верить словам Инны про дефицит женского населения на платформе, то мне повезло.

Но Лена будто задалась целью доказать мне, что везение – понятие весьма относительное. На первый взгляд симпатичная женщина, да и второй взгляд ничего не меняет. Моя ровесница, может, чуть постарше. Не гений чистой красоты, но и вовсе не уродина, определенный шарм в ней был. Может, только фигура излишне спортивная: не стройная, а именно накачанная, как у девушек, профессионально занимающихся плаванием – плечи широкие, руки очень крепкие. Очень

короткая стрижка и такой же мешковатый комбинезон, как у Инны... ну вот и все недостатки.

Зато вела она себя так, будто я был нелюбимым провинциальным родственником, внезапно нагрянувшим в ее крошечную столичную квартирку и сообщившим, что намерен провести тут весь отпуск.

– Я всю ночь не спал, – сказал я. – Знаешь, после такого шока...

– Какого еще шока? – спросила Лена, не оборачиваясь.

Мы шли длинным, плавно изгибающимся коридором. Видимо, по окружности платформы – с одной стороны временами попадались иллюминаторы. Я имел возможность вдоволь налюбоваться звездной темнотой.

– Как это – какого? Попасть сюда с Земли!

– Ха. – Лена разве что не сплюнула. – Тоже мне, шок. Вот вернись я обратно, у меня был бы шок.

– Тебе что, тут нравится?

Она даже соизволила обернуться. И покрутила пальцем у виска.

– Ты чего, серьезно? Конечно! Как это может не нравиться?

Некоторое время я плелся следом, изучая стены – металл, пол – решетчатый металл, потолок – металл с белыми плафонами, редкие двери – металлические, закрытые, редкие иллюминаторы – темнота и цветные огоньки. Потом спросил:

– А кем ты была на Земле?

– Таксистом.

– Ага, – сказал я глубокомысленно. – Ага... это многое объясняет. Охота за клиентами – из третьего ряда к обочине, дорогой бензин, да еще и некачественный, хреновая машина, дверцу козлы-пассажиры сломали, кресло раздавили, платить не хотят, жадобы...

Лена помолчала. Потом спросила:

– А ты кем был?

– Я журналист.

– Теперь уже бывший, – с удовольствием поддела Лена. – Ага. Это многое объясняет. Беготня за капризными знаменитостями, статьи об отдельных недостатках нашей жизни, только ни в коем случае не обобщать, немножко «джинсы» – если главный не заметит, перед молоденькими девчонками перышки растопырить: «да меня и „комса“, и „коммер“, и „независька“ к себе зовут, только я по натуре фрилансер!», а на самом-то деле – в штат хорошей газеты не берут, а в плохую идти самолюбие не позволяет... Раза два-три в неделю – надраться с друзьями до поросячьего визга, потом спьяну махать корочкой прессы перед ментами...

– Ну ты и стерва... – пробормотал я, останавливаясь.

Лена сделала еще несколько шагов и тоже остановилась. Повернулась ко мне, с любопытством спросила:

– Чего, все точно?

У меня вдруг резко сменилось настроение. До этого я был обалдевший, слегка похмельный – оттого и взирал на про-

исходящее с удивительным спокойствием, так восхитившим Инну. А теперь, от злой иронии Лены, меня словно наизнанку вывернуло.

– Да ты просто провидица, – сказал я. – Может, еще уточнишь, в каком возрасте я девственность потерял?

– Да лет в двадцать, не меньше, – сказала Лена, заставив меня осечься. А потом вдруг достала пачку «Мальборо» и протянула мне. – Будешь?

Я заколебался.

– Как я понимаю, на вашей железяке с сигаретами дефицит?

– Еще какой. Бери, пока угощаю.

Я взял. И, повинуясь порыву, протянул в ответ свою пачку.

– Ну ты и жук, – сказала Лена с чувством. Сигарету взяла, но спросила: – Что, в курсе наших обычаев?

– Откуда бы?

Мы закурили.

– Ну... у нас вроде традиции такой сложилось... если чем-то редким угостить – это просто жест. Ничего особенного не значит. А если в ответ угостят и ты примешь – то вроде как теперь дружеские отношения.

– Ох и повезло же мне, – сказал я.

– Это мы посмотрим, повезло или нет. Если мы с тобой задружимся, то я тебя дрючить стану в три раза сильнее. Оно тебе, в итоге, на пользу пойдет... – Лена глубоко затянулась,

выдохнула дым вниз. Я заметил, как облачко втянулось в решетку пола – вот где здесь вентиляция... – Ты не сердись, если задела. У меня... приятель был, журналист. Я про него в общем-то говорила. Вовсе не хочу сказать, что вы все такие.

– Все, может, и не такие, – сказал я. – А вот я такой. Угадала. Только удостоверением перед ментами не машу, плевать они хотели на это удостоверение.

– А раньше предпочитали не связываться, – сказала Лена. – Мне моего как-то добрые менты на дом привезли. Хоточут, говорят, «забирай, а то уж больно страшен – в газете обещал пропесочить».

– Как ты сюда-то попала? – спросил я. – Мне казалось, тут молодежь должна скапливаться. Игроманы.

– Ну а ты сам игроман, что ли?

– Разве что пасьянс разложить.

– Нет, я поигрывала, – сказала Лена. – Я таксерила не всерьез. Так, если деньги нужны – поработаю денек-другой. Водить я любила, почему бы и не поработать. Женщинам и платят всегда лучше. Всю дорогу рассказывают, что вовсе не против женщин за рулем, вот только молодые дуры на дареных джипах и лимузинах достали, а потом платят не торгуясь. Особенно если с девушкой едут. – Она усмехнулась. – Но в эту контору случайно зашла. Везла оттуда одного перца, тот обалдевший какой-то был. И все рассказал, что там вербуют в звездные пилоты, и вроде как все понарошку, но ощущение какое-то странное... будто и впрямь. А я потом

рядом оказалась, настроение было... так себе. Ну и зашла. Интересно, что другая я об этом всем думает... – Она затынулась в последний раз, бросила бычок на пол, затушила подошвой и спихнула в щель. – Мусор прямо на пол кидай. Там сразу и вентиляция, и система уборки. Иногда мощность повышается, пол аж вибрирует. Все куда-то засасывает. Иначе мы бы уже грязью по уши заросли. Никому же не хочется уборкой заниматься, все летать рвутся.

– И ты?

– И я. А чем я хуже? Я хорошо летаю. Пошли, журналюга...

Я не обиделся.

– Пошли, водила...

– Знаешь мое прозвище?

– Какое?

– Водила. Обычно пилот берет себе прозвище. Так удобнее – Лен, Саш, Сереж много... Меня зовут Ленка-Водила. Или просто Водила. Тебе, кстати, тоже придется обзавестись.

– Журналист? – предложил я.

– Долго слишком... – Некоторое время Лена шла молча, хмурилась, покачивала головой, будто отвергая тот или иной вариант. – Акула пера. Акула... Да нет, громко слишком. Смеяться станут. А фамилия твоя? Будем от фамилии плясать, это самый простой выход.

– Сафонов.

– Сафо? – спросила сама себя Лена и прыснула. – Нет, ерунда выходит. Смешно, конечно... Был бы ты грузином, можно было бы звать тебя Сафо. Был бы в этом и здоровый юмор, и созвучие грузинским именам... Фон? Фон-барон... барон фон дер Пшик... – Она вдруг мелодично и негромко напела: – Бай мир бисту шейн...

– Это ты чего?

– Песня про барона фон дер Пшика в оригинале... Значит, вот уже два имени на выбор – либо Барон, либо Бай. Хотя – тоже слишком напыщенно.

– Меня в школе звали Валиком, – вспомнил я.

– Почему?

– А я такой был... упитанный.

Лена пожала плечами.

– Да как хочешь. Будешь Валиком.

– Зачем? Я же не к тому! Еще я иногда статьи подписывал «Я. Седой».

– Хотел, чтобы считали пожилым и умудренным опытом? – насмешливо спросила Лена. – Нет уж. Седой у нас есть. И Рыжая есть. И даже Лысое Колено. Ладно, прозвище само прилипнет. Кстати, а мы пришли.

Она остановилась перед очередной дверью, торжественно посмотрела на меня.

– Ну, нервы у тебя вроде крепкие... Гляди.

Дверь уползла в стену – я невольно отметил, что она куда толще тех дверей, что открывались перед нами раньше.

– Впечатляет? – подталкивая меня вперед, с гордостью спросила Лена. – А? Как тебе, журналист?

Я молчал, озираясь.

Это походило на какой-нибудь исполинский завод. Или атомную станцию. Или, скорее, на машинные залы электростанции.

– Главный ангар, – сказала Лена. – Хотя вообще-то он тут единственный, другого нет...

Длинный – метров триста, зал. В ширину раз в десять меньше, но все равно впечатляет. Потолок высоко над головой – и это при том, что мы вышли не на уровне пола, а на узенький балкончик, тянущийся вдоль стены на высоте трех человеческих ростов. Из стены на балкон выходили двери, вниз спускались лестницы. Все из решетчатого металла, максимально просто и функционально.

Я подошел к невысоким, чуть выше пояса, перилам, посмотрел вниз. И спросил:

– Что это, Лена?

– Корабли, – торжественно ответила она. – Звездные корабли.

Их тут было десятка три, но в пространствах ангара они терялись. Самый маленький был размером с междугородний автобус. Самый большой раза в два превосходил «Бойнг-747». В формах, похоже, конструкторы ограничений не знали – зализанные аэродинамические очертания были скорее исключением, чем правилом. Подковы, диски, цилиндры,

дры, конусы – все шло в дело, будто ребенку вручили конструктор и попросили фантазировать от души. Вот что-то более или менее напоминающее самолет, разве что с крошечными крылышками, но зато с чудовищными турбинами, равномерно облепившими корпус. Рядом округлая конструкция из трех огромных серебристо-синих подков, вложенных друг в друга и скрепленных по центру дужек каплевидным наростом – кабиной. У этого корабля прохаживался мужчина, оглядывал его, будто придиричивый шофер проехавшуюся по бездорожью машину. Одет он был в джинсы и свитер, что меня искренне порадовало – оказывается, не все тут таскали униформу.

Ко многим кораблям из открытых в полу люков тянулись кабели и гофрированные трубопроводы. В ангаре было прохладно, пахло озоном и чем-то горьковато-терпким, химическим.

Мне хотелось сказать что-нибудь ироническое. Про овеществленную мечту Лукаса или волшебный сон фаната «Вавилона-5». Но рядом с этими махинами – реальными, грубыми, зримыми, кое-где потертыми, кое-где помятыми, мой сарказм скис.

– Это... это впечатляет, – сказал я. – А где мой корабль?

– Сейчас мы тебе его купим, – весело сообщила Лена. – Корабль у тебя будет маленький, хиленький – корпус «Сильвана», минимальное вооружение, снаряжения тоже не густо, но летать будет. Вон стоит похожий. – Она показала на са-

мый, пожалуй, традиционно выглядящий корабль: сигару с короткими крылышками, с двумя узкими консолями, увенчанными тупорылыми двигателями.

– Мне вот тот больше нравится, – сказал я. – Три подковы. Возле которого мужик ходит.

– «Саламандра», – фыркнула Лена. – Простой, но юркий. Дорастешь – будет тебе и «Саламандра»... Кто там с ней возится-то? Эге-гей!

Она помахала рукой, бесстрашно перегибаясь через перила.

Мужчина резко повернулся. Вскинул руку, будто приветствуя Лену.

Над головой у меня прошел тугой порыв ветра, я покачнулся, в ушах загудело.

– Твою мать! – вдруг завопила Лена. Отскочила от перил, дернула меня за плечо. Я не удержался, упал – и над головой снова ударило ветром. Перила, за которыми я только что стоял, завибрировали и загудели, будто по ним ударили металлическим ломом. – Беги! – крикнула мне Лена. – Нет, не назад! Беги по балкону! Не вставай, сквозь пол тебя не заденут!

Упрашивать меня не пришлось. Сквозь решетчатый пол я видел мужчину, который явно целился в нас из какого-то ручного оружия. Если бы проводились мировые соревнования по бегу на четвереньках, то сегодня я показал бы достойный результат.

Несмотря на уверения Лены, мужчина продолжал стрелять – теперь уже только в меня, видимо, бегущие мишени привлекали его больше. По балкончику колотила невидимая кувалда, ударяя то впереди, то за спиной. Как ни странно, но в голове болталась лишь одна мысль – как нелепо я выгляжу, мчась на четвереньках по решетчатому балкону в исполинском ангаре, среди немыслимых звездных кораблей...

Сзади, где стояла Лена, вдруг тоже забухало. Мужчина, которого я пытался удерживать в поле зрения, вдруг раскинул руки, отлетел метров на пять и распластался по полу. Я остановился. Встал – руки болели и были содраны в кровь. Решетчатый пол явно не предназначался для беготни на четвереньках.

Лена стояла, все еще нацеливая на неподвижно лежащего стрелка пистолет. Или как тут у них полагается говорить? Бластер?

– Молодец! – крикнула Лена. – Ты его хорошо отвлек!

До меня начало доходить.

– Ты уверена, что сквозь пол он не мог меня подстрелить? – крикнул я.

Лена спрятала пистолет в кобуре на поясе и неторопливо пошла ко мне.

– Если серьезно, то все-таки мог. При удачном попадании. Но стальная решетка неплохо экранирует вибробластер. – Она виновато улыбнулась. – Пятьдесят на пятьдесят. Все зависит от точки попадания и фазы, в которой пришла волна...

Короче – от твоей удачи.

Я еще раз посмотрел на стрелка. Вокруг него растекалась лужа крови, хотя никаких повреждений я с балкончика не видел.

– Ну, спасибо, – сказал я.

– Не сердись, – ответила Лена таким тоном, будто случайно наступила мне на ногу. – Все же хорошо кончилось.

Я хотел ответить, что думаю по ее поводу. Но не успел.

– А ты уверена, что кончилось? – окликнули Лену.

В дверях, откуда мы только что вышли, стояли двое. Рядышком, поскольку держали между собой здоровенный черный контейнер. Но по одной свободной руке у них оставалось, и они не преминули этим воспользоваться. Один, невысокий, очкастый, нацеливал на нас пистолет, вроде того, что был у Лены. Другой – здоровенную бандуру, по-хорошему явно не предназначенную для стрельбы с одной руки. Однако мужик и сам был такой здоровый, что видимых неудобств ему это не доставляло.

Эти тоже не любили комбинезонов и были одеты по-человечески: джинсы, рубашки. Но, пожалуй, это было единственное, что вызывало мою симпатию.

– Не знаю, кто вы, – не делая попыток достать оружие, сказала Лена, – но стрелять в ангаре из плазмомета – самоубийство.

– Это если мой друг промажет, – пояснил очкастый. – Но он редко промахивается. Руки за голову и медленно, неспеш-

но, к нам. Ну?

Лена помедлила секунду. Потом сказала:

– Пошли, Валентин.

– Они убили Костю, – сказал верзила, когда мы приблизились. – Ты видишь? Они его размазали.

– Ваш товарищ первый открыл огонь, – сказала Лена. – Мы оборонялись. Честная дуэль.

– Вас было двое, он один, – заметил очкарик.

Он спрятал свой пистолет, но зато вытащил оружие у Лены из кобуры. У него был очень интеллигентный вид, он напоминал не то шахматиста, не то молодого амбициозного политика. И говорил рассудительно, спокойно, без тени эмоций.

– Оружие только у меня... было, – сказала Лена. – Этот... – кивок в мою сторону, – новичок. Акула пера, виртуоз пишущей машинки. Одна беда – всего пару часов, как на Плюшке. Ни корабля, ни бластера.

– Значит, это ты убила нашего друга? – спросил очкарик.

– Да, – твердо сказала Лена, и мое отношение к ней резко улучшилось.

– Костя был очень нервный. И, как мы убедились, плохой стрелок. – Очкарик кивнул, будто принимая все объяснения. Похоже, к смерти здесь относились очень философски. – Честная дуэль, принимается. Но у нас возникла проблема. Дело в том, что нам надо покинуть платформу.

– И хорошо бы быстренько, – вставил здоровяк.

– Да, и хорошо бы быстренько, – снисходительно согласился очкарик. – А Костя был пилотом. Нас его корабль не примет. Незадача!

– Сочувствую, – кивнула Лена.

– Ты ведь пилот? Не хочешь подработать?

Тон очкарика был деловым и спокойным.

– А в качестве платы жизнь? – Лена ухмыльнулась.

– Зачем же так. Мы готовы и заплатить. Ну?

Лена пожала плечами.

– Все зависит от сроков, ребята. У меня «Мурена». Стоит пятой отсюда.

– Нас вполне устроит, – оживился очкарик.

– Она в цикле заправки.

– Как давно?

– Шесть часов. Подождете три часа? – Лена была само дружелюбие.

Очкарик улыбнулся и не ответил. Посмотрел на меня и спросил:

– А ты, акула? Хочешь подзаработать?

Это походило на театр абсурда. Я посмотрел на лежащего в луже крови Костю. И сказал:

– Нет, чего-то не хочется.

– Неверный ответ, – сказал очкарик.

Верзила прижал свою пушку к поясу, широкому, увешанному сумочками и какими-то устройствами – и пушка с клацаньем прилипла. Верзила неспешно помахал рукой в воз-

духе, будто разминаясь.

Я как дурак наблюдал за ним.

Ровно до того момента, как кулак верзилы стукнул мне в челюсть. Во рту будто петарда взорвалась и стало солоно. В глазах на миг потемнело.

– Зубы ему не выбил? – спросил очкарик.

– Да не, я аккуратненько, слегонца, – добродушно сказал верзила.

– Хочешь подзаработать, акула? – повторил свой вопрос очкарик.

Я потрогал зубы. Вроде бы не шатаются...

– Почему бы и нет?

– Умница. – Очкарик улыбнулся. – Ты и впрямь акула. Только мелкая. Катран называется. Спускайтесь!

Мы с Леной пошли по балкону к ближайшей лестнице. Сзади волокли свой контейнер очкарик с верзилой.

– Вот и прозвище заработал, – сказала Лена негромко.

Очкарик за спиной весело засмеялся и сказал:

– А у меня язык удачливый. Как скажу, так сразу прилипает. Направо, к терминалу!

Мы прошли мимо корабля, похожего на пассажирский самолет, мимо «Саламандры» – только теперь я окончательно понял, насколько они были огромны. Ближе к углу ангара стоял столбик, увенчанный маленьким экраном – видимо, тот самый терминал.

– Ну давай покупай корабль, – любезно сказал очкарик.

Контейнер они опустили – очень бережно. Похоже было, что там что-то нетяжелое, но хрупкое.

– Как?

– Поднеси комм к терминалу.

Я поднес руку к терминалу. Браслет пискнул и экран комм засветился. Дисплей на столбике тоже – его покрыли столбцы пиктограмм, говорящих мне не более, чем китайские иероглифы.

– Машина тебя опознала, – пояснил очкарик. – Если у тебя и впрямь нет корабля... – Он бесцеремонно отпихнул меня и посмотрел на экран. – Увы, и впрямь нет... Нажми левую кнопку.

Я нажал. Пиктограммы сменились.

– Тебе предложили купить корабль. К сожалению, выбора нет, кредитов у тебя только на один-единственный вариант. Нажимай кнопку снова.

– Выбора у меня нет, – согласился я. Но прежде чем нажать, глянул на Лену – та улыбнулась и спросила:

– А далеко собрались лететь?

– Увидишь. – Очкарик подозрительно посмотрел на нее. – Ты о чем?

– Давно не летали на «Сильване», я вижу?

Судя по лицу очкарика, до него стало что-то доходить. Что-то очень малоприятное.

– Это же корабль ближнего радиуса, – сказал здоровяк. – Туда гипердвижок просто не влезает.

– Ну да, – любезно подтвердила Лена, – вокруг станции покружитесь, конечно... А купить корабль уровнем выше Валентин не имеет права.

Очкарик нахмурился:

– Хочешь сказать, не повезло?

Лена пожала плечами.

Очкарик некоторое время изучал экран терминала. Потом коснулся пальцем одного символа – тот погас. Другого... третьего... Пояснил:

– Я снял оружие и щиты. Если оставить один лишь корпус и кабину, то гипердвижок влезает. Вот только деньги...

С видимой неохотой он посмотрел на свой комм. Коснулся кнопок.

– Считай это своей платой, Катран. Нажми кнопку, прими деньги.

Я подчинился.

– С ума сошли, – пробормотала Лена. – Лететь в другую систему без оружия и защиты, с неопытным пилотом?

– Другого выхода нет. – Очкарик оставался спокойным. – Надеюсь, на складе найдется «Сильвана» нужной конфигурации.

– А вдруг не найдется? – спросила Лена. – Конфигурация-то... для самоубийцы.

– Тогда мы влипли, – весело сказал очкарик. – Вряд ли у нас есть три часа, дожидаться, пока твой корабль заправится... Рома, будь человеком, сходи к Косте, принеси его сюда.

Нехорошо будет бросить здесь парня.

Здоровяк молча пошел к «Саламандре». Мы ждали.

– Надеюсь, после этого вы наспустите? – спросила Лена.

– С чего бы это? Корабль будет слушаться только Катрана. Он нам нужен.

– Хорошо. – Лена не сделала и попытки заступиться за меня. – А я вам зачем? Свяжите и оставьте здесь.

– Мысль хорошая, – кивнул очкарик. – Вот только я не слишком опытный пилот. И совсем плохой учитель – нервный и нетерпеливый. Мой крупный друг – тоже. Ты будешь объяснять своему подопечному, что делать – чтобы он нас не угробил. Тебя ведь назначили его инструктором? Вот и займись своими делами.

– Парни, я не одиночка. Я из клана Сайлент Стар. За меня вступятся.

– Кто?

– Да кто угодно. Грестер вступится. Кош, Антибиотик. Весь второй альянс вступится.

– Ты сама кто?

– Водила.

– Да, слышал. – Очкарик кивнул. – Говорят, ты хорошо натаскиваешь новичков. Так что я рискну поспориться со вторым альянсом точно так же, как поспорился с хозяевами Плюшки.

– Ты идиот, – брезгливо сказала Лена. – Вы что, ограбили

платформу? Утащили что-то из лабораторий?

– Угадала. И это лишний повод взять тебя с собой.

Вернулся Роман, неся на плече тело убитого Леной пилота. Мрачно сказал:

– Скорей бы, Мастер...

– Надо уметь ждать, – наставительно сказал очкарик. – Заказ сделан, от нас теперь... А вот и корабль! Нашелся.

Недалеко от нас на полу ангара вдруг засветился овал красных огоньков. Послышался тревожный звук вроде громкого зуммера. Пол в центре овала стал раздвигаться, как диафрагма в пленочном фотоаппарате.

– Вот и твой первый корабль, Катран, – весело сказал очкарик. – Будешь себя хорошо вести – так и не последний...

В полу уже открылся люк десятиметрового диаметра. И из него медленно поднималась платформа, на которой стояла «Сильвана» – угловатый вытянутый корпус с двумя двигателями на консолях по бокам. От корабля шел белый пар.

– С консервации подняли, – задумчиво сказала Лена. – Полчаса будет разогреваться.

Очкарик посмотрел на свой коммуникатор. И великодушно кивнул:

– Ничего. Полчаса у нас есть. Даже сорок минут есть. А потом придет новая смена, обнаружит тела – и начнется...

– Вы балбесы, – презрительно сказала Лена. – Только полные кретины нападают на Плюшку. Без захода на платформу вам долго не продержаться... никому не продержаться.

– Может, нам долго и не надо? – хихикнул очкарик. – Эй, Катран, чего таращишься на железяку?

Я действительно неотрывно смотрел на корабль, даже их перепалку слушая краем уха.

– Ты чего, Валентин? – спросила Лена.

– А он красивый, – сказал я, глядя на корабль. – Ведь правда?

– Мало того, что он журналист, он еще и романтик. – Очкарик покачал головой.

Глава четвертая, в которой Валентин берется за журналистское расследование

Витя Матросов, бывший однокурсник Валентина, к тридцати годам имел должность заведующего отделом в крупной газете, свой собственный, пусть и маленький, кабинет, солидный животик и вполне благодушный вид. От студенческих лет у него сохранилось только общее благодушие, которое сам Виктор называл «позитивным мировосприятием», и нетривиальное прозвище Малибу, происхождение которого уже все прочно забыли.

– Растешь, – сказал Валентин, усаживаясь напротив Виктора. – Так скоро в главреды выбьешься.

Витя улыбнулся так благожелательно, что стало ясно: где-нибудь в оргайзере у него уже стоит пометка «стать главным редактором». Спросил:

– Ну а ты как? Сколько мы не виделись-то... два года? Три? Все с места на место прыгаешь?

– Ты же знаешь. – Валентин закурил, поискал глазами пепельницу. – Я по натуре фрилансер... Слушай, Малибу, где у тебя пепельница?

Виктор поморщился, но полез в ящик стола и выдал пепельницу оранжевого стекла с логотипом «Комсомольской

правды».

— А я-то думаю, что ты так расплылся? Курить бросил, что ли? — спросил Валентин. — Так это ненадолго, поверь... О, пользуешься рекламной продукцией конкурентов!

Виктор слегка смутился.

— Да это так... от прежнего осталось. Он раньше в «комсе» работал. Ну так как ты? Не женился?

— Бог миловал, — с чувством сказал Валентин.

— А я — да. — Виктор сделал паузу, явно ожидая расспросов.

— На ком? — лениво спросил Валентин.

— На Ольге.

— На Паненковой, что ли? — оживился Валентин. — Ну да, помню... а она же... Ну да. Поздравляю.

— У всех бывают ошибки. — Виктор пожал плечами. — И у меня второй брак, пробный не удался. Гляди!

К Валентину были повернуты две фоторамочки, стоящие на столе. На одной наблюдался сам Виктор в черном костюме и при галстуке, рядом с сияющей невестой в бледно-розовом платье. На фотографии Виктор был заметно стройнее.

— А, так это она тебя раскормила, — хмыкнул Валентин. — В фитнес тебе надо ходить. Или в бассейн...

На второй фотографии обнаружился лысый голопузый младенец, лежа на спине задирающий вверх ножки, с невинно-бездумной улыбкой на сморщенном личике. Улыбка явно вышла случайно — просто младенец готовился долго и прон-

зительно заорать и при этом удачно раскрыл рот.

– О, уже и сыном обзавелся?

– Дочкой, – обиделся Виктор. – Разве не видишь?

– Оно же в подгузнике.

– Да ну тебя, – фыркнул Виктор. – По лицу же сразу видно – девочка! Красавица будет.

– И впрямь, – милосердно согласился Валентин. – Ну, поздравляю. Это большое дело. Говорит уже?

– Слушай, Валя, у тебя что, младших братьев-сестер не было?

– Не было, я сам младшенький.

– Понятно... Какой «говорит»? Ей полгода... через три недели будет.

– Ходит?

Виктор вздохнул и повернул фотографии к себе. Проробмотал:

– Бегает.

– Ну не злись, Малибу, – примирительно сказал Валентин. – Как назвали?

– Настенька.

– Красивое имя. Да не дуйся, я за тебя очень рад.

Виктор для порядка еще несколько секунд поджимал нижнюю губу, потом спросил:

– Может... по пятьдесят?

Валентин отследил движение руки сокурсника к нижнему ящику стола, вздохнул:

– Я за рулем. А овес у гайцов нынче дорог... Слушай, Малибу, вопрос у меня к тебе...

Виктор чуть поскукнел. Но ответил твердо:

– Валька, ты парень талантливый, я это всегда говорил. Только злой немножко. Все в черном свете видишь. А у нас газета для семейного чтения, позитивная, радостная. Если не будешь чернушничать – с удовольствием тебя в штат возьмем.

– Малибу, да ты не понял! – возмутился Валентин. – Я к тебе в газету не прошусь. Совсем другой вопрос. Ты вроде как всякой культурой-мультиурой занимаешься?

– Культура, наука и техника...

– То, что мне надо. Компьютерные игры?

– Ну да... – Виктор поморщился. – И это тоже. Но тут в основном Олежка пишет, системщик наш. Он парень молодой, журналистского образования нет, зато тему знает. Кстати, не только нам пишет. Еще для пары журналов, для сайтов каких-то...

– Мне бы с ним поговорить.

Виктор с любопытством смотрел на Валентина. Потом снял трубку телефона.

– Алло... Олежка? Это Виктор. Будь добр, загляни ко мне? Нет, нет. Все работает. Вопрос по игрушкам... Ага.

Опустив трубку на рычаг, он мрачно добавил:

– Вот когда «винды» падают или интернет пропадает – его не дозовешься. А стоило сказать, что разговор про игры –

«щас буду!».

– Молодежь, – согласился Валентин. – Нам, Малибу, их не понять.

– Слушай, – Виктор поморщился, – ты меня при нем не зови Малибу. Ладно?

– Ноблес оближе? – Валентин усмехнулся. – Лады. А мы тебе не помешаем, Витя, если у тебя побеседуем?

– Беседуйте, мне самому интересно, – честно признался Виктор.

Олег и впрямь появился быстро, не прошло и пяти минут. Для компьютерщика это было близко к рекорду. Внешне парень ничуть не походил на человека, работающего с компьютерами и увлекающегося играми – спортивный, высокий, мускулистый, с физиономией типа «бабам нравится». Валентин, считающий, что и сам обладает этими качествами, ощутил легкое раздражение, которое попытался задавить в зародыше.

– Валентин! – Он поднялся и протянул системщику руку.

– Олег, – тот стрельнул глазами на Виктора.

– Олежка, – ничуть не комплексуя по поводу внешности программиста, сказал Виктор, – помощь твоя нужна. Это Валя, мой старинный друг и прекрасный журналист. У него вопросы по играм.

– По игре, – уточнил Валентин.

– Понятно. – Виктор сделал такой жест, будто хотел поправить несуществующие очки. – Где застряли?

– Чего?

– В какой игре застряли? – дружелюбно спросил Олег. – Сейчас три четверти вопросов – это...

– Да нигде я не застрял. – Валентин досадливо махнул рукой. – Вопрос дурацкий, если честно. Есть такая игрушка – «Старквэйк»...

– Ага, – сказал Олег. В глазах у него появилось любопытство.

– Слыхали?

– Слыхал. – Олег подтянул свободный стул, уселся. – Ну так?

Валентин с сомнением посмотрел на Виктора. Вообще-то упускать интересную тему на сторону не хотелось. Но вряд ли Виктор подложит ему такую свинью...

– Со мной вчера случилась странная история. Точнее, вчера вечером и сегодня ночью...

Он достал из кармана листок объявления и принялся рассказывать. Все: от удивительной негорючести и непачкучести бумажки (Виктор тут же завладел листком и принялся жечь его зажигалкой, потом – пачкать сигаретным пеплом и маркером... точнее, пытался жечь и пытался пачкать) и кончая безумным ночным разговором с девушкой по имени Инна и своим выдворением из агентства «Звездный час» через задний ход.

– Я вот и хочу понять, – закончил Валентин, – что это за глупости такие? Рекламная кампания игры?

– Похоже, – без особой уверенности сказал Олег. – Ну а что ж это еще может быть?

– Ты не крути, не елозь, – изучая чистенький листок, сказал Виктор. – Я же тебя знаю. Ты что-то такое слышал уже. Верно?

– Ну... слухи какие-то дурацкие ходят...

– Выкладывай, – велел Виктор.

– Игр онлайнowych – вагон и тележка. – Олег задумчиво уставился на пепельницу, Валентин пододвинул ее в его сторону, компьютерщик благодарно кивнул и закурил. Виктор вздохнул, встал и приоткрыл окно. – Хочешь – сражайся с силами тьмы, хочешь – с силами света. Средневековье, магия, космос, бластеры...

– Да я в курсе, – сказал Валентин.

– Ну и «Старквэйк» – одна из таких игр. Висит где-то в пустоте орбитальная база. Ты получаешь корабль, начинаешь летать, сражаться, торговать, руду всякую собирать. Временами прилетают какие-нибудь инопланетные бяки и ты сражаешься с ними. Иногда объявляют спецзадания – чего-нибудь найти или кого-нибудь победить. На заработанные деньги покупаешь себе лазер помощнее, двигатель побыстрее...

– Слухи-то какие? – нетерпеливо спросил Валентин.

– У игры сменился владелец. Дело обычное, между нами говоря. Девяносто процентов игр своих владельцев меняют регулярно. Ну, началась рекламная кампания. И в ее рамках

были такие объявления, и в Сети, и в игровых журналах, и даже просто на столбах... только я раньше не слышал, что их пытались проверять на огнеустойчивость. Якобы нужны пилоты... Нужны инженеры и программисты для работы в космосе... Почему бы и нет? Хороший рекламный ход, я считаю. Ведь каждая игра подразумевает, что игрок согласен обманываться. Притворяться, что он Актимель, эльф ушастый или какой-нибудь там Джон Кровавое Сопло, гроза Сириуса и Ориона...

Судя по тону программиста, сам он в такие игры не играл и обманываться не собирался.

– Я, помнится, даже заметку на «Абсолют гэймс» писал, – мечтательно продолжил Олег. – Что, мол, новый ход в привлечении игроков...

– А чего они так стараются их привлекать? – удивился Виктор. – Такой серьезный бизнес?

– Вполне серьезный, – кивнул Олег. – Сравнимо с киноиндустрией.

– Во дают, – фыркнул Виктор. – Слушайте, ребята, да не травите вы... душу. Дайте сигарету!

Валентин, злорадно улыбаясь, протянул ему пачку.

– Я только изредка, когда в компании... – неловко сказал Виктор.

– Или когда выпьешь, или когда нервничаешь... – без всякого снисхождения сказал Валентин. – Рассказывай, Олег.

– А дальше странности, – сказал Олег. – Некоторые игро-

ки стали уходить из игры. И ругать ее за то... внимание!.. что она жестокая. Что их персонажа убили и им это не нравится.

– Что тут странного? – удивился Валентин.

– Да кто из игроков переживает по поводу смерти своего персонажа? Ну, переживают маленько, но только потому, что теряют на этом заработанные деньги, хиты, перки... это характеристики персонажа. А тут один мой приятель начинает мне рассказывать, как его подло убили в бою. Аж трясется весь! Я ему говорю – так восстановись в игре и отомсти обидчикам. Это же обычное дело, кто ухитрился пройти игру, не погибнув десяток-другой раз! А он вдруг мне выдает: «Не хочу, пусто все стало, скучно. Раньше все по правде было, я играл как безумный, все забросил, а теперь игра и игра...» Потом я еще несколько таких отзывов встречал. И самое главное – это всегда были те, кто лично приходил к ним в офис наниматься пилотом. Те, кто не ходил – играли и играют себе, и вовсе их не тревожит, что их убивали... И я сделал такой вот вывод... – Олег замолчал.

– Давай говори, – не выдержал Виктор.

– Визит в офис – это не просто рекламный ход. Их зомбируют!

– Чего? – тут уже удивился Валентин.

– Для игрока что важно? Правдоподобие. Уверенность в том, что все – взаправду. Никто, конечно, вслух такого не скажет, но все хотят обманываться. Убежать от скучной жизни. Знаменитой становится та игра, которая сильнее всех со-

здает атмосферу правдоподобия. Но ведь есть же всякие там установки у спецслужб... психотронные генераторы...

Валентин хмыкнул.

– Есть, есть! – уверенно сказал Олег. – Ну наверняка! Видимо, кто-то из владельцев игры такой обзавелся. Или им дали ее... на испытание. И вот когда игрок приходит в офис наняться пилотом, вместо того, чтобы просто зайти в игру через интернет, его там облучают. У человека сразу крыша едет. Он начинает относиться к игре всерьез. Играет, играет... Но если его убивают, то тут зомбирование слетает. И он сразу утрачивает к игре интерес.

Наступило молчание. Потом Виктор откашлялся, затушил наполовину скуренную сигарету и спросил:

– А про это ты тоже статью писал?

– Нет, конечно! – возмутился программист. – Если тут и впрямь замешаны спецслужбы... или такие люди, что у спецслужб психотронные генераторы могут позаимствовать – то я в такие игры не играю.

– Спасибо, Олег, – вежливо сказал Валентин. – Интересная гипотеза. Надо будет обдумать.

– Да не за что. – Парень встал. – Я вам больше не нужен, Виктор Романович?

– Нет, нет. – Виктор замотал головой.

– Визитку возьмите. – Олег протянул Валентину карточку, явно собственноручно распечатанную на принтере. – Понадобится консультация – обращайтесь!

– Спасибо. – Валентин вежливо спрятал визитку в бумажник, в то отделение, где вечно накапливались и раз в неделю выкидывались в мусорку визитные карточки. – Обязательно свяжусь.

– Тогда я пошел. – В дверях Олег задержался и наставительно произнес: – Вот увидите, Валентин, уже сегодня вас потянет играть. Сядете и будете днями и ночами гонять по космосу. Мой совет – возьмите, да и убейтесь сразу же.

– Зачем?

– Чтобы раззомбираться, конечно! Снять с себя психокод.

Дверь за программистом закрылась.

– Он вообще... как? – спросил Валентин. – Не того?

– Ну, маленько... – неуверенно ответил Виктор. – Сам знаешь, люди обожают теорию заговора. Марсианская станция накрылась – это пришельцы. Альпинисты на Гималаях пропали – в Шамбалу забрели. Газовый баллон взорвался – нет, это бомба. А во всех трех случаях, быть может, виноват один и тот же слесарь дядя Петя, большой специалист по газовым редукторам, но человек ленивый и пьющий. Вначале на космодроме редуктор недокрутил, станция и... того. Выгнали – ушел альпинистское снаряжение делать, опять болт недотянул, вот альпинисты и... Ну а окончил он свою карьеру, заполняя бабушкам газовые баллоны. И опять же – недотянул редуктор.

Валентин хмыкнул:

– Но это же скучно.

– Вот именно! Поэтому проще верить в марсиан, махатм и террористов. Вот и наш Олег – предпочитает сложные объяснения простым.

– А давай я покопаюсь с этой игрушкой и ее нестандартной рекламой? – спросил Валентин. – Сделаю тебе статейку...

– Давай, – легко согласился Виктор. – Если не в мои рубрики, так в бизнес пристроим. Только, ради Бога, без чернухи! Вот не надо нам: «бессердечные бизнесмены», «ограниченная молодежь», «когда-то мы были культурной страной, а теперь только в игры играем...»

– Ну так ведь были же? – вздохнул Валентин. – Ладно, буду позитивен. Напишу «Раньше мы только книжки читали, а теперь стали развитой страной и в игры играем».

Виктор махнул рукой.

– Иди пиши. А то, хочешь... – он полез в стол, – на презентацию вечером надо сходить. Новая молодежная поп-группа «Дети кармин».

– Кармен? – не понял Валентин.

– Нет, кармин. Это знаешь, есть такие дети индиго. Очень умные, развитые, все такие своеобразные, нестандартные... – Виктор поморщился.

– Про индиго слышал.

– Ну так это уже немодно. Все эти индиго, вечно себе на уме, не поймешь, чего хотят. Сейчас модно, когда ребенок –

кармин. Они трудолюбивые, послушные, спортивные, аккуратные, упорные. Может, звезд с неба и не хватают, но зато для родителей радость.

– Ага, – сказал Валентин. – Оригинально. Кармин – потому что краска такая?

– Какая краска?

– Ну, индиго – это же синяя краска. А есть еще красная, кармин.

– Нет. – Виктор зашуршал бумажками, извлек красочный буклет. – Тут вот чего написано... это их продюсер пишет, он из Израиля: «В иврите у многих слов – двойные смыслы, в современном разговорном понимании и в высоком Библейском, так как большинство слов родом именно из ТАНАХА. -биТак вот, есть слова קר – Кар (холодный) разговорное, а в лии – расчётливый, трезвый, взвешенный (ум, поведение), и מין – секс, половой, а в Библии – вид, род (человеческий). Правильное написание группы – „Кар-Мин“, или „קר-מין“, и происходит от Библейского – трезвомыслящий вид человеческий».

– Или, по-разговорному, «Холодный секс», – кивнул Валентин. – Думаешь, будет популярна?

– Раскрутят! – уверенно сказал Виктор. – Девочка черненькая, девочка беленькая, мальчик мужественный, мальчик женственный. На все вкусы! Да и спонсоры у них сильные. На презентации, кстати, обещали хороший фуршет и пресс-пакет журналистам: футболка с бейсболкой, одеколон

«Кармин», бутылъ израильскаго джина. И будет конкурс на лучший слоган группы, приз – поездка в Иерусалим, на святую землю.

– Слоган? Да запросто. Могу сразу выдать.

– А ну? – заинтересовался Виктор.

– Про индиго говорят:

Умная головка!

А зато кармины в ряд.

Ходят очень ловко!

– с чувством произнес Валентин.

– Да ну тебя! – Виктор махнул рукой. – Не хочешь, как хочешь. Стажеру отдам, он просил. Или сам схожу. Иди... пиши про своих рекламщиков...

Загадочно улыбаясь, Валентин вышел из кабинета. Но через минуту приоткрыл дверь и засунул обратно голову:

– Слушай, Малибу, я еще один слоган придумал. Прямо для тебя! Пошли стажера в пень, иди сам, поездка в Израиль твоя!

– Ну? – подозрительно спросил заведомом культуры.

– Пусть у нашего соседа

Сын-индиго – непоседа.

Моя доченька – кармин,

Мы, кармины, победим!

– Вот если бы ты у меня работал, я бы тебя сейчас уволил! – пригрозил Виктор.

С победной ухмылкой Валентин выскочил в коридор. Сбежал вниз по лестнице, поздоровавшись на ходу с парой знакомых ребят. Выбежал на улицу, радостно убедился, что припаркованную в неположенном месте машину не увез эвакуатор, двинулся к «рено», на ходу доставая из кармана ключи.

У него звякнул телефон.

– Валентин Сафонов, – деловым тоном представился он, не глядя на экран.

– Валька, это я, Ма... тьфу, Виктор.

– Ага. Я чего-то забыл?

– Слушай, а повтори-ка второй стишок, – попросил Виктор. – Чем черт не шутит, оно вроде как забавно звучит и к имиджу группы подходит... «Пусть у моего соседа...» Что там дальше?

Домой Валентин пришел только к вечеру. Собирался двигаться сразу от Виктора, но по пути заглянул в один полуживой глянец, где наконец-то пообещали расплатиться за давнюю статью об остроумном певце. За прошедшие полгода певец перестал быть модным и, кажется, вообще исчез со сцены. Но с Валентином действительно расплатились, причем выдали ровно столько, сколько обещали.

Причины такой обязательности стали понятны, когда за-

главного попросил срочно – вот прямо сейчас, на месте, написать статью на тему какой-то политической свары между двумя политиками, бывшими очень долго в коалиции и выдвигавшими друг друга на первые роли, а потом разругавшимися вдрызг. Причем хотелось заму странного – чтобы статья была критической, при этом позитивной, в меру патриотичной, но при этом либерально-демократического толка. И еще – смешной.

– Ну ты даешь, старик, – протянул Валентин. – Это не ко мне. Это Диму Быкова, к примеру, попытай.

Зам закатил глаза:

– Ты сказал – Быкова! Он на своих изданиях пашет, стихи пишет, книжки сочиняет и между радио с телевидением носится. Его на разовую работу не вытянешь.

– Ну, всех можно соблазнить, были бы деньги... – намекнул Валентин.

– Быкова не соблазню, а тебя попытаюсь, – раскрыл карты зам. – Ты у нас злой, пишешь с юмором, в политике разбираешься...

Валентин мялся.

– Там смешное дело. Говорят, они разругались по поводу рыбы.

– Чего?

– Оба сидели на контроле рыбных потоков с Камчатки, потом один другого подсел...

– Эта рыба дурно пахнет, – твердо ответил Валентин.

– Прямо сейчас заплачу.

Это решило дело. Два часа Валентин сидел за чужим компьютером и, ругаясь на непривычно узкий левый «Shift», колотил по клавишам – периодически заглядывая в интернет «за фактами». Топтаться по политикам средней руки было легко и приятно, тем более что любой из них поводов давал предостаточно. Через два часа Валентин, скомкав пустую пачку сигарет, дописал последние строчки: «Как известно, великий и добрый волшебник Гэндальф отказался от кольца Всевластия, понимая, какую страшную силу оно возымеет в его руках – и над ним самим. Если верить преданиям, то царь Поликрат выкинул в море кольцо, опасаясь своей удачливости – но кольцо вернулось к нему в животе пойманной рыбы. К сожалению, герои наших дней отказываются от колец Власти лишь ради того, чтобы позже поискать их во вспоротом брюхе недавних соратников. Увы, вряд ли там найдется хоть что-то, кроме плохо переваренной и уже тухлой красной рыбы...»

Расплатились с Валентином и впрямь на месте. Видимо, ехидная статья в глянце должна была появиться по чьему-то заказу – когда два политика дерутся, вокруг стоят две сотни других, жаждущих поживы.

Но это Валентина особо не смущало. Все они жадные демагоги, все они одним миром мазаны. А вот в кармане теперь болталась приличная сумма – можно неделю смело работать над тем, что интересно.

А интересно ему было «Звездотрясение».

По пути Валентин загрузился в супермаркете парой пакетов – чай-кофе, сигареты, полуфабрикаты, закатанная в пленку курица, бутылка недорогого коньяка. Теперь несколько суток можно было существовать абсолютно автономно.

Поколебавшись, Валентин даже отключил телефоны – и городской, и мобильный, что делал только в самых крайних случаях, когда начинался большой аврал. Запустил ноутбук, вытряс пепельницу, налил большую кружку кофе. Не поддавшись искушению, даже не стал просматривать почту или проглядывать ленту друзей в «Живом Журнале». Нет уж, дело – значит, дело.

Он набрал www.starquake.ru и подозрительно уставился на стартовую страницу.

Так...

Форум, справочник, регистрация...

Валентин выбрал «регистрацию». Глотнул кофе и сообщил экрану:

– Имею компьютер. Готов пилотировать.

Требовалось ввести имя – то, под которым его будут знать в игре.

Некоторое время Валентин курил, глядя в экран.

Как вы яхту назовете, так она и поплывет. В общем-то он был уверен, что имя каким-то образом влияет на судьбу. Как обычных людей, так и виртуальных персонажей.

Кем ему назваться?

Журналист?

Как-то претенциозно.

Сафонов? Сафон? Сафо?

Тьфу, лезет в голову всякая глупость...

Валик – как в школе?

Валентин даже поморщился – он не любил это прозвище, намекающее на некую пухлость и мягкотелость, от которых давно уже не осталось и следа.

Акула пера?

Да уж, какая из него акула... Разве что самая мелкая.

Валентин усмехнулся и аккуратно ввел в графе «имя»:

KATRAN

Почему-то он сразу почувствовал, что это правильно. Правильно и хорошо.

Так, как должно быть.

Глава пятая, в которой меня убеждают не верить глазам своим, а я предпочитаю не верить своим ушам

Кабина «Сильваны» по размеру оказалась не больше внутренностей джипа – какого-нибудь «гранд-чероки» или «лэнд круизера». Впереди было два кресла перед приборной панелью, над панелью – овальный иллюминатор, который так и хотелось назвать лобовым стеклом. Не экран, а именно иллюминатор – видимо, из такого же «прозрачного металла», как и окна на станции. Сзади – полукруглый диванчик, вряд ли очень удобный, но делящийся откидными подлокотниками на три посадочных места. Даже загоревшийся матовый плафон располагался на привычном месте – на потолке в центре.

Хотя, конечно, странно было бы подсвечивать кабину на уровне пола...

Мне отвели место «водителя», рядом сел очкарик с гордым прозвищем Мастер. Лену посадили сзади, рядом с ней сел Рома – заняв своей необъятной фигурой сразу два места. Тело Кости они положили под ноги, рядом водрузили свой драгоценный контейнер.

– Что, багажника нет? – спросил я. Мне никто не отве-

тил. – Очень неудобно, без багажника-то...

– Не мути воду, Катран. – Мастер глянул на меня из-под очков. – Нервы – они разговор любят, понимаю. Но сейчас ты будешь слушать меня. У нас есть полчаса на то, чтобы ты научился управлять космическим кораблем.

– Китайский за ночь? Фигня вопрос, – разглядывая пульт, ответил я.

Честно говоря, пульт меня смущал. Очень смущал. Я полагал, что он должен был выглядеть посложнее.

– У тебя под ногами две педали, – сказал Мастер.

– Как в машине.

– Да, если едешь на автомате. Правая педаль – ускорение.

– Дай я догадаюсь, – сказал я. – Левая – тормоз?

Рома завозился сзади и попросил:

– Мастер, давай я его стукну? Для вразумления! Слегонца.

– Рома, я ценю твое предложение, но ему еще пилотировать, – ответил Мастер. – Погоди... пока погоди. Катран, ты совершенно прав. Левая педаль включает торможение. Поскольку мы не на шоссе, а в космосе, то на торможение тратится драгоценный запас рабочего тела. Постарайся как можно реже тормозить. Хорошо?

– Хорошо, – согласился я. – Мы не тормозим ни перед чем.

– Кстати, – благодушно добавил Мастер, – эта же самая педаль дает и задний ход, если он требуется. Разумеется,

можно поступать более естественным для космоса образом – развернуть корабль двигателями вперед и включить главный двигатель – мы тоже затормозим. Но при маневрах на малых скоростях это не всегда удобно. Далее. Хрень, которая торчит перед тобой из пульта, некоторые называют «штурвал». Гораздо чаще – «вантуз». Но по сути это просто джойстик.

Мне этот штурвал, или джойстик, напоминал скорее ручку детской игрушки «кузнечик» или «пого». Ну или рукоять гламурного отбойного молотка, созданного специально для манекенщиц. Из приборной панели торчал стержень, на стержне – две рукояти для рук. На рукоятях имелись еще какие-то кнопки и тумблеры.

– Это чтобы рулить влево-вправо, – сказал я.

– А еще вверх-вниз и закручиваться по центральной оси, – любезно подтвердил Мастер. – Вантуз ходит во все стороны и вращается по и против часовой стрелки. Все интуитивно схватывается, верно? На правой ручке спуск лазерной пушки, на левой – управление ракетной установкой. Но у нас вооружения нет, можешь про них забыть. Зато у нас есть гипердрайв... включи навигационный пульт.

Навигационным пультом оказался небольшой экранчик, расположенный посередине панели, там, где у автомобиля либо магнитола, либо бортовой компьютер. Мастер властно взял меня за руку – и коснулся экрана моим пальцем. Тот включился, продемонстрировав три десятка разноцветных точек на черном фоне. В центре экрана светилась туманная

сферы, захватывающая часть точек.

– Ближайшие звезды, – пояснил Мастер. – Те, что внутри сферы, доступны для прыжка. Экран сенсорный. Касаешься звезды пальцем, включается наведение...

– Ага, – сказал я. – Ну, все в принципе понятно. Вот только... – Я замолчал.

– Ну?

– Не могу найти, где здесь ручной тормоз.

Несколько секунд Мастер смотрел мне в глаза – и я подумал, что переборщил. Но он неожиданно рассмеялся.

– А ты ничего, Катран. Цепкий. Нелепо все, да?

– Нелепо, – кивнул я. – Это же бред какой-то. Космический корабль, который пилотируют джойстиком? Ткни пальцем, выбирая точку гиперпрыжка?

– А как оно все должно быть?

– Не знаю. – Я пожал плечами. – Либо все должно... сверкать. Множество экранов, приборов, компьютеров, на голове пилота шлем, подключенный прямо к мозгам... Все летает само, люди отдают команды.

Сзади хихикнула Лена.

– Либо – ржавые винты, штурвалы, рычаги, в атомный реактор урановые поленья лопатой подбрасывают, – сказал я. – Но не так же... как в игре!

– Как в игре! – удовлетворенно сказал Мастер. – Молодчина. Но это мы потом обговорим. А сейчас у нас простая задача – я запускаю программу старта. Корабль стартует в

пространство. Я тычу пальцем, показываю, куда лететь. Ты начинаешь что есть силы гнать в этом направлении. Мы подойдем к зоне перехода, запустим привод и нырнем туда. Если все пройдет как надо, то мы окажемся... – он помолчал, – окажемся там, где надо.

– А если я врежусь в эту хреновину... платформу?

– Тогда мы все умрем.

На сей раз он выглядел совершенно серьезным.

Я закрыл глаза, глубоко вздохнул.

Итак. Сорвав дурацкое объявление я спяну заглянул ночью в офис, где веселая молодая девица телепортировала меня куда-то в глубины космоса. На непонятно кем сделанной космической станции живет шестнадцать тысяч сумасшедших людей, которые летают на непонятно кем сделанных кораблях, управляющихся джойстиком...

– Заснул?

– Пытаюсь проснуться, – ответил я, не открывая глаз.

– Знакомая реакция, – сказал Мастер с сочувствием. – Знаешь что, Катран? У меня есть предложение. Сейчас просто делай то, о чем я тебя прошу.

– Просишь? – усомнился я.

– Ну а что мне, утюгом тебя пытаться, что ли? Прошу. Помоги нам отсюда убраться. Мы не злодеи, честное слово. Представь, что это сон – но ведь и во сне можно поступать разумно. Я тебе обещаю – как только мы доберемся до цели, я тебе все объясню. Ну, все, что знаю сам. А я знаю немало. Толь-

ко... — в его голосе слышалась явная озабоченность, — не впадай в ступор, очень тебя прошу. Видел я таких — вначале бодрые, шутят... Потом глаза закрывают и два-три дня ни на что не реагируют.

— Хорошо. — Я открыл глаза. — Где здесь ключ зажигания?

— Приложи палец к этой пластине. Да любой, хоть мизинец...

Я коснулся прохладного металлического кружка.

До этого корабль казался мертвым. Да, зажигались огоньки на пульте, светился экран, но все это отдавало какой-то декорацией, бутафорией.

И внезапно он ожил.

На лице я почувствовал слабое дуновение воздуха — включилась вентиляция. И воздух был... необычным. Настолько чистым, лишенным всякого запаха и вкуса, что он обретал какой-то свой новый, собственный запах — он пах *ничем*. Это был механический, сделанный воздух.

К свету плафона на потолке прибавился мягкий свет из-под пульта — зачем он был нужен, я так и не понял — освещены оказались ноги и педали. Впрочем, через мгновение плафон погас, осталась только эта странная нижняя подсветка. Чтобы не слепить глаза?

А еще — корабль зазвучал. Где-то в корме что-то тихо и ровно журчало, будто лилась по трубам жидкость. Двигатели давали низкий басовитый гул — тоже едва заметный, но различимый. И монотонно, будто метроном, что-то отщелкива-

ло, отстукивало в глубине пульта.

– Щелчки – звуковой контроль расхода энергии, – сообщил Мастер. – Пока они не сливаются в сплошной треск – у тебя есть запас мощности. Если звук ровный – все, большего из корабля не выжать.

Мне стало не по себе.

– Теперь нажми этот сенсор... – Мастер мягко взял мою руку. – Просто коснись...

Я послушно коснулся и этой пластинки. Почему-то я ожидал, что впереди в стене раздвинутся шлюзовые ворота – как в каких-нибудь «Звездных войнах». Быть может, даже и шлюза не будет, а будет голубенькое светящееся силовое поле, через которое мы и вырвемся в космос...

Но все оказалось прозаичнее. Корабль стал опускаться вниз – его убрали из ангара тем же путем, каким и подали. За иллюминатором скользнул обрез люка, потянулся длинный темный туннель.

– Подождите... а где ремни? – неожиданно всполошился я.

– Не бойся, ты не в машине, – фыркнул Мастер.

А Лена сзади пояснила:

– Во всех кораблях есть локальный гравитатор. Пол всегда будет полом, а потолок потолком. Ускорение, повороты – ты их едва почувствуешь. Наверное, небольшие перегрузки оставили просто для удобства маневрирования.

– Надо же, какая забота о комфорте...

– Дело не в комфорте. Мы не тренированные летчики, чтобы нормально работать при перегрузках в несколько g. Ну а если ты умеешь управлять гравитацией, то привязные ремни будут не более чем данью традиции.

– Некоторые делают ремни сами, – неожиданно вступил в разговор Рома. Оказывается, этот громила умел высказываться и на абстрактные темы! – Говорят, что так им спокойнее.

Честно говоря, мне бы тоже было спокойнее. Но мое мнение тут явно никого не интересовало.

– Подходим к шлюзу, готовься, – сказал Мастер. – Хватай вантуз!

Чувствуя себя идиотом, я взялся за рукоятки. Секунда... другая... серое за стеклом сменилось непроглядной темнотой.

А в темноте горели звезды – ровным, спокойным, немигающим светом.

Я ждал этого – и все равно застыл, зачарованный открывшимся мирозданием, – будто восточная красавица стянула с головы чадру, и против всех ожиданий – лицо не обмануло, оказалось еще краше, чем угадывалось сквозь кисею...

Кажется, Мастер ждал такой реакции. Во всяком случае, он дал мне несколько секунд полюбоваться картиной, прежде чем сказал, очень спокойно и мягко:

– А теперь вантуз плавно вправо и чуть-чуть касаемся педали газа...

Все-таки автомобильные ассоциации здесь были неизбежны!

Как во сне, я потянул джойстик, слегка нажал педаль – и мир закрутился вокруг. Искусственная гравитация мешала воспринимать происходящее как наше движение – это мир крутился вокруг нас, послушно вынося навстречу станцию, с которой мы только что стартовали. Я повел джойстик назад – мир остановился.

Теперь я понимал, почему станцию называли Плюшкой. Словно неопытный, но старательный кондитер замесил огромный чан теста – и попытался вылепить плюшку километровых размеров. Где-то тесто слиплось огромными комками, где-то вытянулось ровненькими полосами, где-то растеклось блином. И все это безобразие было разноцветным, во многих местах светилось, щетинилось какими-то антеннами и трубочками (на деле, наверное, каждая антенна превосходила приличный радиотелескоп, а «трубочка» была с заводскую трубу). Из-за наростов Плюшки бил ослепительно яркий свет – там сияло местное солнце, размерами не уступающее земному, но явственно чужое – то ли немного иной спектр, то ли еще что, но глаза отказывались признать его нашим Солнцем.

– Почему я вижу свет, тут же вакуум? – внезапно спохватился я.

– Плюшка «парит», – ответила сзади Лена. – Испарения заводских установок, выбросы отработанных газов, перемо-

лотый мусор...

– Гравитационные установки дают небольшие погрешности, Плюшка не сразу отпускает мусор в открытый космос, – уточнил Мастер. – Видишь точку гиперперехода?

Он ткнул пальцем в стекло.

– Какая же это точка? – глядя на кружащиеся разноцветные всполохи, сказал я. – Облако какое-то...

– Это засветка. – Мастер махнул рукой. – Давай... прямо туда жми. Несложно, не промажешь.

Действительно – несложно. Я нажал педаль сильнее – Плюшка заскользила мимо, цветное облако стало приближаться. Корабль стало уводить в сторону, но одного движения джойстиком оказалось достаточно, чтобы курс выровнялся. Осталось только легкое вращение вокруг оси – я чуть повернул рычаг и корабль мгновенно стабилизировался.

– Словно мне кто-то помогает... – сказал я. – Очень аккуратно все получается.

Сзади гулко захохотал Рома, засмеялась Лена. Мастер улыбнулся:

– Конечно. Ты что, всерьез думал, будто сам рулишь?

– Но... – Я даже глянул назад – нет, ни у кого не было дополнительных пультов.

– Ты задаешь только общий вектор, – сказала Лена. – В какую сторону, с какой примерно скоростью. А дальше навигационный компьютер решает, что именно ты хочешь, куда двигаешься и с какой скоростью.

– Ты, по сути, даже не пилот, – добавил Мастер. – Ты всадник. Или ямщик. Командуешь, дергая за рычаг и топча две педали. Машина делает все остальное. Всадник тоже правит лошадью лишь в общих чертах, куда ставить ноги, как лавировать между деревьями, на какой ход перейти – она решает сама. Ну, давай... включай гиперпривод.

Я коснулся панели, экран засветился.

– Вот сюда. – Палец Мастера указал на тусклую точку на самом краю доступной для прыжка зоны. – Коснись этой звезды.

Я коснулся.

На экране появилось несколько строчек пиктограмм, среди которых особо нелепо выглядели привычные арабские цифры и изображение желтой звезды. Очень схематическое – так дети рисуют солнышко.

– Все, наведение произведено. – В голосе Мастера послышалось облегчение. – Теперь жми вперед! Точка перехода втянет в себя корабль.

– И мы перенесемся туда?

– Именно. Давай газуй, в любую минуту на Плюшке могут очухаться!

– Это здорово, – сказал я. И вдавил педаль тормоза.

Корабль остановился так резко, что нас даже качнуло вперед, а размеренное тиканье метронома бешено зачастило.

– Ты что? – воскликнул Мастер.

– Поговорить надо. – Я снял руки с джойстика. – Есть у

нас пять минут?

Мастер смотрел на меня. Я улыбался. Он не выдержал первым:

– Рома, у нас есть пять минут?

– Пять – есть. Десять – вряд ли, – отозвался Рома. Стукнуть меня он почему-то не предложил.

– Хорошо, говорим, – кивнул Мастер. – Спрашивай.

– Тебя как зовут?

Лена хихикнула.

Мастер почему-то смутился. Но ответил:

– Зиновий. Фамилия – Пилюченко. Проживал в Питере. Тридцать восемь лет.

– Валя, – я протянул ему руку, – тридцать пять, если это важно.

Зиновий неохотно, но руку все-таки в ответ пожал. И даже произнес с улыбкой:

– Зяма... если угодно. Сокращать мое имя как «Зина» не стоит.

– Зяма, мне чертовски не нравится, что происходит, – сказал я. – Мало того, что я спяну влип в идиотскую историю и оказался невесть где. Меня к тому же похитили и заставляют пилотировать космический корабль, похожий на фантазию первоклассника. Объясни мне, что происходит, иначе я не притронусь к управлению.

– Тогда нас уничтожат.

– Да и хрен с ним!

Зяма выдохнул. Снял и протер очки. Снова нацепил их и сказал:

– А ты упрямый... значит, за пять минут тебе все объяснить?

– За четыре. Не будем рисковать без нужды.

– Хорошо. Ты прав, все окружающее нелепо выглядит, несуразно устроено и непонятно для чего существует. Но тут болтается пятнадцать тысяч человек, которые вынуждены жить по законам этого мира. Если ты уронишь себе на ногу молоток, тебе будет больно. Если слопаешь испорченные продукты – будешь сидеть на толчке. Если по нашему кораблю жажнут со станции лазером – он развалится на две половинки, а мы вывалимся в космос и наша кровь вскипит в вакууме.

– Ты хочешь сказать, что это все правда?

– Нет, я этого не могу сказать. Я говорю, что мы воспринимаем этот мир как настоящий. Но мир, живущий по законам компьютерной игрушки, настоящим быть не может. Поэтому я и мои друзья придерживаемся теории Матрицы.

– Как в кино?

– Да, как в кино. Мы находимся в моделированной Вселенной, которую воспринимаем как настоящий мир. Может быть, мы лежим где-нибудь в подвалах Лубянки на кушетках и подключены к компьютерам. Может быть, наши мозги плавают в банках на полках какого-то НИИ. А может быть, мы лишь набор электронных импульсов в недрах суперком-

пьютера... фантомы настоящих людей, которые и не подозревают, что с ними сделали.

– Тогда точно нет необходимости куда-то лететь, – сказал я.

– Есть, потому что наша смерть в этом мире для нас и будет смертью.

– Лена, что скажешь? – спросил я, не отрывая взгляда от Зиновия.

– Я знаю, кто они... – Голос Лены стал насмешливым. – Это Ищущие. Секта... своего рода. Они верят в то, что говорят.

– А ты им веришь?

– По мне, так если все вокруг кажется настоящим – оно и есть настоящее.

Я поднял палец:

– Вот! Зяма, ты слышишь глас разума. Я с твоей точкой зрения не спорю, но если ты прав, то...

– То нам все равно надо действовать так, будто мы находимся в настоящем мире.

Это сказал Роман. Он подался к нам сзади. У него было очень спокойное лицо, с которого будто смыли маску агрессивной простоты.

– Ты его слушай, – наставительно сказал Зиновий. – Роман – доктор наук, специалист в области искусственного интеллекта.

– У тебя есть минута меня убедить, – сказал я с некоторой

опаской. Преображение туповатого бойца в интеллектуала пугало больше, чем его кулаки.

– Минута сорок секунд. Этого хватит. Валя, мы не шутим, через несколько минут нами заинтересуются, поймут что происходит – и уничтожат. Это правда. Это сомнению не подвергается.

Я посмотрел ему в глаза и кивнул.

– Что касается всего остального – насколько окружающий мир реален, чего мы добиваемся, зачем проникли на Плюшку и куда сейчас убегает, я дам все ответы в более спокойной обстановке. Клянусь, что вас никто не будет лишать свободы, вам не причинят зла и не будут ни к чему принуждать. Но для этого мы должны выжить. А чтобы выжить – нам надо убраться отсюда. Все, я закончил.

– В то, что все это обман, виртуальная реальность – я не верю, – сказал я. Зяма тяжело вздохнул. Роман нахмурился. – Но разобраться хотелось бы. Так что... решим, что ты умеешь уговаривать. – Я опустил руки на джойстик. Мерцающие разноцветные облака кружили перед нами. В ста метрах? В километре? Не знаю, расстояния тут казались обманчивыми.

Я вдавил правую педаль и облако стало надвигаться. Пожалуй, там действительно была какая-то точка... невидимая. Бесформенные сгустки света лишь на первый взгляд вращались беспорядочно, на самом деле у всей этой иллюминации был центр...

Именно в этот центр я и вогнал «Сильвану».

Цветные всполохи света обтекли корабль, стук метронома на несколько мгновений превратился в ровный гул.

И свечение осталось позади.

– Не сработало? – спросил я. – Поворачивать?

Мастер рассмеялся.

– Почему же не сработало? Все, мы прыгнули. Мы в другой системе.

Я дернул джойстик, заставляя корабль развернуться.

Вот светящиеся облака, стремительно удаляющиеся от нас, уменьшающиеся, уже почти неотличимые от звезд.

Вот звезда – желтая, неяркая. Иллюминатор слегка потемнел, приглушая ее свет.

Станции не было.

Мы действительно перенеслись в пространстве.

– Фантасты – уроды, – сказал я. – Я думал, это будет красочно...

Глава шестая, в которой я вспоминаю пилотов Первой мировой войны – и это оказывается к месту

Странные вещи творит с головой нехватка сна.

Те, кому довелось летать на большие расстояния, это хорошо знают. Я, к примеру, два года назад отдыхал с подругой в Таиланде. В самолете я спать категорически не умею, даже приняв, по русской традиции, коньяка за равенство количества взлетов и количества посадок. А прилетев утром из сырой промозглой Москвы в теплый тропический раёк (ну не вяжется все-таки слово рай с Таиландом), ложиться спать было совсем уж глупо. И весь день мы возбужденно веселились, наплевав на накопившуюся усталость, смену часовых поясов, погоды, обстановки. К вечеру итог был закономерен – спать хотелось безумно, но уснуть мы не могли, взбудораженный организм уже ничего не понимал в происходящем.

Помогла еще порция коньяка и четверть часа секса – причем и я, и подруга воспринимали секс как лекарство.

Сейчас, к сожалению, не было возможности прибегнуть ни к тому, ни к другому средству. А ведь без сна я уже был часов сорок. Организм честно выжал из себя весь адреналин и теперь молил о сне. Ну – или о некотором времени с за-

крытыми глазами...

– Здесь две планеты, – тыча пальцем в навигационный экран, объяснял Зяма. – Мы их не видим, конечно...

– Почему ж не видим, Альбеде видно. – Роман подался вперед со своего диванчика. – Вон... на три пальца правее солнца...

На мой взгляд, яркая белая точка была звездой, но я не спорил. Меньше говори – сойдешь за умного...

– Ну, на Альбеде нам все равно не надо, – бодро сказал Зяма. – Нам нужен ее близнец.

– Нигредо? – мрачно предположил я.

– Верно. Альбеде для жизни непригодна, атмосфера почти лишена кислорода.

– А почему она так сверкает? Снег?

– Облака... Вот Нигредо, задавай курс.

На экране навигационного компьютера теперь была схема звездной системы. Солнышко в центре, два кружочка – черный и белый, рядом. Еще один кружок висел у самого края экрана.

– А это что за планета?

– Газовый гигант размером с Юпитер. Интересы не представляет.

– На спутниках у него есть полезные ископаемые, – заметил Роман.

– Есть. Ну и что? Они много где есть... Давай наводишь на Нигредо.

Я ткнул пальцем в черный кружок. Нос корабля слегка сместился. Изображение качнулось, теперь планета была по центру экрана.

– Разгоняйся.

Нажав педаль я некоторое время ждал. Гул двигателей на пилонах корабля усилился, стук метронома участился.

– Так и сиди, – велел Зяма. – Разгоняться будем примерно полчаса.

– И сколько нам лететь?

– Восемь часов. Потом торможение, выход на орбиту... еще часа три уйдет.

– У нас тут труп в кабине, – напомнил я.

– Ничего, полежит. Температуру в кабине убавь... вот эта шкала... сдвинь ползунок до восемнадцати.

Ползунок был нарисован на сенсорном экране. Я сдвинул его пальцем до цифры 18 и сказал:

– Все?

– Пока все. Пить хочешь?

– Хочу, но не пить.

– А... понятно.

Зяма нагнулся и открыл дверку под пультом. Достал оттуда толстый пластиковый шланг с раструбом на конце.

– Санитарный отсек. По-большому, конечно, ходить неудобно. Хотя если прижмет... А так все просто. Вот... э... мочеприемник. Вот кнопка отсоса фекалий.

Я покосился назад.

Ленка усмехнулась:

– Не комплексуй. Что естественно, то не безобразно.

– Нет уж, я потерплю.

– Десять часов? – поинтересовался Роман. – Да не глупи.

Не выдержишь, это раз. Будешь не в форме в самый нужный момент – два. К тому же обоссанные штаны будут вонять. Культура и мораль – это производные от реальности, Катран.

– Подай ему пример, – сказал Зяма.

– И верно. – Роман огляделся. – Где тут... Ага.

Второй «санитарный отсек» был встроен в низ их диванчика. Роман извлек шланг и стал расстегивать штаны. Ленка отвернулась. Я тоже, твердо решив держаться до последнего.

Моей решимости хватило ровно до того момента, как сзади послышалось жизнерадостное журчание.

– Да ну вас, провокаторы... – расстегивая штаны, сказал я. – Пусть лучше лопнет моя совесть...

– Кнопку, кнопку не забудь нажать! – напомнил Зяма. – И ногу с педали сними, не корячься...

Ощущения были своеобразные. Ну, если кто-то хочет их испытать – возьмите пылесос, включите на самую слабую мощность... в общем, вы поняли, что дальше делать. Если пылесос сломается, то я вам советов не давал.

Но честно говоря, мир сразу стал выглядеть гораздо дружелюбнее.

– Будешь? – Зяма полез в задний карман джинсов. Извлек плоскую фляжку. – По чуть-чуть!

Оказывается, совместное пользование удобствами способно сближать людей не хуже, чем съеденный вместе пуд соли. Я открыл крышку и сделал глоток – горло обожгло, огненный комок покатился по пищеводу.

– Что это? – прохрипел я, откашливаясь.

– Спирт, – тоже отхлебывая из фляжки и передавая ее назад, сообщил Зяма. – Понимаешь ли, Катран, объем надо экономить. Водка... или коньяк, если бы он у нас был, это сплошной перевод пространства. Зачем лишняя вода, если хочешь выпить алкоголя?

– От воды бы я не отказался...

– Держи. – Ленка подала мне фляжку – куда более объемистую, видимо, извлеченную из одного из карманов комбинезона. – Это холодный чай.

Я готов был выпить и холодного чая, и горячего, и даже горячего молока с медом. Чего угодно. Неразбавленный спирт я пил лишь однажды, в студенчестве, и с тех пор остался в твердом убеждении, что отвратительнее ничего нельзя и придумать. Рот был будто кипятком ошпарен, страшно подумать, что делалось с желудком, которому за последние дни и так досталось...

– Запил? – спросил Зяма. – Теперь снова ножку на педаль – и нежно жмем. Еще, – он глянул на коммуникатор, – семнадцать минут.

И я терпеливо ждал, погружаясь в сонливое беспамятство, пока Зяма не пихнул меня в плечо.

– Катран, ты оглох? Все, снимай ногу с газа. И можешь дрыхнуть в свое удовольствие.

– А рулить? – спросил я, закрывая глаза.

– Рулить будет компьютер, он железный. Ты свою пилотскую работу выполнил.

Я хотел ответить чем-нибудь остроумным и бодрым.

Но не смог.

Заснул.

Солнце припекало вовсю. Я расстелил на траве скатерть – белую, с кружевными оборочками, а Инна принялась выставлять на нее припасы: маленькие стеклянные бутылки минералки, пивные бутылки коричневого стекла, большие пластиковые бутылки с «Тархуном» и «Байкалом», банки колы и тоника, пакеты с соками. Мы сидели посреди какого-то бескрайнего поля, поросшего травой – ровненькой и аккуратной, как на теннисном корте.

– Пить хочу ужасно, – сказал я, глядя на Инну. Потянулся за минералкой, но девушка шлепнула меня по руке.

– Подожди. Сейчас достану бокалы.

Она долго рылась в коробке – совсем маленькой, и как там все умещалось?

– Надо было взять коробку побольше, – сказал я.

– Объем надо экономить, – строго сказала Инна. Помолчала. Грустно добавила: – Ты знаешь, а я забыла взять бокалы...

– Я так, из бутылки... – Я взялся за холодное стеклянное горлышко, но Инна внезапно вскинулась и схватила меня за плечи.

– Нельзя! Культура и мораль – это единственная наша реальность! Ты не можешь пить прямо из горлышка!

– Инна, но я же...

– Вставай! Просыпайся! Катран!

– Откуда ты знаешь это прозвище? – воскликнул я, открыв глаза.

Зяма, он же Мастер, снова потряс меня за плечи:

– Просыпайся! Черт тебя возьми, ты живой?

– Живой... – просипел я. В горле пересохло, будто я час просидел с открытым ртом. По лбу стекал пот.

Было жарко, очень жарко.

Чем-то неприятно пахло.

– Что случилось? – спросил я.

– Климат-контроль накрылся медным тазом, – зло сказал Зяма. – Гляди!

Я посмотрел на пульт климат-контроля – температура в кабине подползала к тридцати пяти градусам. Разумеется, я уткнул палец в нарисованный ползунок и попробовал сдвинуть его вниз. Экран замигал красным, ползунок не сдвинулся.

– Нестандартная компоновка корабля, – раздраженно сказал Зяма. – И четыре жлоба вместо одного пилота. Похоже, теплонасос не справился с нагрузкой.

– Еще и ваш приятель... остывает, – заметила Лена. – Плохая это примета, ребята, покойник на корабле.

– Лена, у тебя еще есть вода? – спросил я.

– Чай. Держи. – Она протянула мне фляжку. И добавила: – Пусть все остается Катрану, он пилот и ему еще сажать корабль.

Я сделал глоток, пытаюсь не дышать носом – причина неприятного запаха была уже очевидной. Закрыв фляжку и положил рядом с собой на кресло, делая вид, что не вижу жадный взгляд Зиновия.

Тот не стал претендовать на остатки жидкости. С наигранным оптимизмом сказал:

– На самом деле есть и хорошие новости. Последние десять минут температура не менялась – видимо, на каком-то минимуме климат-контроль работает. Это раз. Через час нам начинать торможение, так что терпеть осталось недолго... это два.

– А корабль, который следует за нами, это три? – неожиданно подал голос Роман.

Зиновий всполошился. Некоторое время изучал навигационный экран, потом попросил меня:

– Нарисуй в центре экрана круг.

Я послушался – и изображение укрупнилось.

– Еще... Еще... И вот тут...

Звезду и планеты теперь не было видно. Зато по экрану ползла зеленая точка – видимо, наш корабль. А за ней крас-

ная загогулина.

– Глазастый ты, Ромка... – с завистью сказал Зяма. – Давно ты его засек?

– Только что.

– Через четверть часа нагонит... «Берсерк»?

– Похож, – согласился Роман.

– Однозначно «Берсерк», – согласилась Ленка. – Ракетная батарея «Шторм», плазмомет «Вспышка»... может, еще и лазерник «Скат». Если это пиратская посуда или корабль Патруля. Если там горнодобывающий модуль, то лазерник не влезет.

– Нам без разницы, – фыркнул Зиновий. – Нам отбиваться нечем, и щитов у нас нет. Он нас размелет в труху.

– Мог бы уже и пальнуть, – заметил Роман.

– А зачем? – Зиновий снял очки и принялся ожесточенно протирать стекла. – Если он гонится именно за нами, то знает, что мы голые и босые.

– Если он видел, как «Сильвана» прошла через гипер, то тоже понимает, что мы не вооружены, – добавил Роман.

– Ну и зачем мы ему сдались? – спросила Ленка. Я заметил, что с того момента, как мы стартовали, она перестала отделять себя от похитителей. Наверное, это правильно – оказавшись в одной посудине посреди бескрайнего космоса, стоит держаться вместе.

– Ну как зачем... – Зиновий надел очки. Тон его изменился, теперь он вновь стал прежним Мастером – ироничным и

самоуверенным. – Я полагаю, администрация Плюшки вскоре после нашего отбытия объявила немаленькую награду за нашу поимку... особенно за возврат вот этого контейнера.

– Сколько? – спросила Лена.

– Тысяч сто.

– Что???

– Тысяч сто. Ну – двести, двести пятьдесят...

– Что вы украли? – почти весело спросила Лена. – Нет, честно, ребята? Не дайте помереть в неведении.

– Помирать будем – скажу, – отрезал Мастер. – Лучше думай, как спастись.

– Да никак. Удрать мы от него не удерем, у нас ниже скорость, хуже маневренность... все у нас хуже! Защиты нет, оружия нет. Эта штука – она хрупкая?

– В контейнере? – Мастер помедлил. – Да, хрупкая.

– Тогда он не станет палить ракетами. Подойдет вплотную и аккуратно почикает нас лазером. Если нет лазера – будет стараться зацепить плазмой, но только аккуратноненько.

– Как близко подойдет? – спросил я.

– Да какая разница? Я бы подошла вплотную, – сказала Лена с такой уверенностью, что у меня возникли некоторые подозрения о ее рабочей биографии. – Метрах в десяти легла бы на параллельный курс, компьютеру задала сопровождение, а сама села к пушкам. Как в тире.

Чужой корабль на экране уже преодолел половину расстояния до нас.

У меня вдруг возникла мысль. Нелепая... но чем черт не шутит.

– Вот в Первую мировую войну, сто лет назад, на самолетах часто и оружия не было, – сказал я. – И если они сходились в воздухе, то пилоты принимались палить друг в друга из револьверов.

– Забавники, – фыркнула Ленка. – И что, попадали?

– Помолчи, – остановил ее Роман. – Так... и что ты предлагаешь, Катран?

– Да ты уже и сам понял, – сказал я. – Шарахнуть в этого «Берсерка» из твоей пушки, как он подлетит. Можно и из пистолетов добавить. У нас есть скафандры?

Никто даже спорить не стал – из чего я понял, что положение и впрямь критическое.

– Мой комбинезон в аварийном режиме выдержит минут десять, – сказала Лена. – Там никакой терморегуляции, да и воздух утекать будет, но...

Она запустила руку за голову и вытянула из кармашка на спине капюшон – прозрачный, будто из полиэтилена.

– Открой бардачок, – попросил Мастер.

Я открыл ящик, на который он указал, и вытащил оттуда два свертка. Это были балахонистые костюмы из прозрачного пластика.

– Аварийные гермокостюмы, – пояснил Мастер. – Гарантированный срок службы – пятнадцать минут. Воздушная таблетка работает минут двадцать.

– Их два, – сказал я.

– Конечно. Для пилота и запасной. Или для пилота и напарника, если вдруг кому-то взбредет лететь на «Сильване» вдвоем. – Зиновий помолчал. – Один, конечно, твой. Без пилота нам всем кранты.

– Значит, кто-то из нас отлетелся, Мастер, – сказал Роман. – Нефиг было выпендриваться, джинсы таскать!

– Нефиг, – согласился Мастер.

– Я в гермокостюме вряд ли влезу, – продолжил Роман. – Так что одевай ты... и бери плазмострел. Я попытаюсь задержать дыхание, если вы справитесь за минуту, то у меня есть шанс...

– Ты мне в благородство не играй! – неожиданно завелся Мастер. – Тоже мне, герой... только ты сможешь разобраться в этой хрени! – Он ткнул рукой в контейнер.

– Я вот тебя сейчас приложу по кумполу, а потом запихну в гермик! – пригрозил Роман.

– Ребята, вас одно удовольствие слушать, – неожиданно сказала Ленка. – Но если я предложу, как спастись обоим – сколько вы мне заплатите?

– Ты sdурела, – убежденно сказал Роман. – Ты можешь сейчас думать о деньгах?

– Хрупкая девушка в нашем жестоком мире просто обязана о них думать. Всегда.

Роман и Зиновий переглянулись.

– У меня на счету семь тысяч, – сказал Роман.

– У меня тринадцать с мелочью, – признался Зиновий.

– А то у Ищущих нет тайных счетов на Плюшке!

– Это общественные деньги, – быстро нашелся Зиновий.

– Ну и жадобы... – Лена похлопала себя по карманам. И достала из одного еще один плотно сложенный пластиковый пакет. – Это мешок для упаковки грузов, чувствительных к перепадам давления. Он должен выдержать в вакууме некоторое время.

– Ты что, все время с собой его таскаешь?

– Грузить свой «Феникс» я собиралась. У меня барахлит герметизация грузового отсека, а отскабливать от стенок содержимое лопнувших банок мне надоело.

Роман молча взял у нее из рук пакет. Сказал:

– Боюсь, это мое обиталище... мне гермик нужен нестандартный. А здесь я уж съежусь как-нибудь.

– Одеваемся, быстро! – Мастер вручил мне один пакет с гермокостюмом, второй взял себе. – Смотри на меня, делай как я!

Я смотрел и делал.

Ботинки пришлось снять – причем в душной и затхлой атмосфере корабля сразу запахло несвежими носками. Пластиковый комбинезон был просторным и влез я в него довольно легко – через здоровенный разрез на груди. Разрез закрывался банальным «репейником», а для герметизации надо было раздавить впаянную в шов ампулу. Жидкость должна была спаять отверстие... как сказал Мастер, «как пра-

вило, это получается». Голову закрывал такой же прозрачный чехол, под подбородком крепилась крупная, сантиметров пять диаметром «таблетка». На нее требовалось плюнуть – или просто лизнуть, после чего она двадцать минут выделяла кислород. Опять-таки в теории. Как я понял, на практике мало кому доводилось пользоваться аварийным гермокостюмом.

Оптимизма это не внушало.

– Тетенька, – тоненьким голоском сказала Лена, глядя на нас, – продайте мне тысячу презервативов. Я хочу маскарадный костюм сделать.

– Очень смешно. – Зиновий с отвращением разглядывал свои руки в подобии хирургических перчаток. – Раздует, блин... Лена, плазму возьмешь ты. Твой комбез покрепче.

– Да без проблем. – Лена достала из кармана перчатки, надела, пристегнула к рукавам – там тоже был какой-то хитрый механизм герметизации. Меня радовало лишь то, что шлем в ее комбинезоне был такой же пластиковый, как и наши гермокостюмы. Может быть, это все-таки работает?

– Катран, твоя задача – развернуть корабль дверью к вражескому, – сказал Зиновий. – Так... и погаси свет. Вот эта кнопка. Как развернешь: нажимая эту кнопку, мы стравим воздух из кабины. Потом эту – дверь откроется. А потом молись, если умеешь.

Он еще раз проверил разрез на груди – и сдвинул ампулу. Раздалось шипение, шов мгновенно помутнел на всем про-

тяжении. Высунув язык, Зиновий энергично принялся лизать кислородную таблетку.

– Герметизируйте меня, блин! – рывкнул Роман, уже забравшийся в мешок.

Лена молча раздавила ампулу на мешке, спаяв шов точно таким же образом, как и на гермокостюме.

Вот только никакого источника кислорода у Романа не было. Только тот воздух, что был в мешке.

Я посмотрел на навигационный экран – вражеский корабль был уже совсем рядом. Тянуть дальше не стоило – я провел рукой по шву своего комбинезона... вроде как держит. Раздавил ампулу. Раздалось шипение, запахло чем-то едким, химическим. Вроде как шов «зарос»...

Я плюнул на таблетку и она тихо зашипела.

Ну все, теперь можно и пилотировать...

Аккуратно двинув джойстик, я развернул корабль. И увидел приближающийся «Берсерк». Он был ощутимо больше – и, как ни странно было об этом сейчас думать, красивее нашей «Сильваны».

Наш корабль, что ни говори, слегка напоминал современные «челноки» – ну или военные самолеты. У него были куцые крылышки и закрепленные на них двигатели.

«Берсерк» походил на подкову, летящую «рожками» вперед. Слева у него было что-то наподобие крыла обратной стреловидности, справа – непонятный пилон, то ли с оружейной консолью, то ли с каким-то иным устройством. Когда

корабль приблизился, я понял, что «крыло» на самом деле является жилым отсеком – оно было толщиной метра три и в нем тускло светились огоньки иллюминаторов. Он весь был какой-то неправильный, нелогичный – и при этом гармоничный. Как восточная музыка – европейское ухо она режет, но на самом деле в ней есть гармония, просто она другая...

Мастер стукнул меня по плечу, скорчил страшное лицо.

Я торопливо нажал на кнопку разгерметизации.

Дверь вроде бы не открылась, но воздух из кабины стал выходить. Обвисший на мне гермокостюм начал раздуваться. Перчатки стали толстыми, будто сосиски, пластиковый пакет на голове раздулся, изображая из себя шлем.

Да, в детском неприличном анекдоте, который вспомнила Лена, определенно было что-то верное.

Вражеский корабль тем временем приблизился окончательно – и остановился, зависнув от нас метрах в десяти. Лена лежала на полу, прямо на окоченевшем теле убитого ею налетчика, и держала в руках принадлежавшую Роману пушку. Роман, скорчившись, сидел в раздувшемся как воздушный шар прозрачном мешке – меня почему-то поразило, что изнутри мешок уже весь запотел...

Роман снова меня пихнул – и я нажал на кнопку открытия двери. Уж не знаю, как здесь все работало, обычный сенсор вряд ли отозвался бы на прикосновение закатанного в пластик пальца. Но этот сенсор сработал – дверь уползла вбок. Остатки воздуха вынеслись из кабины роем сверкающих бе-

лых снежинок.

Пушка в руках Лены вздрогнула, по кабине прокатился тугой удар. Дуло плазмомета окутало стремительно рассеивающееся огненное облачко.

А на «крыле» вражеского корабля вырос огненный фонтан. Лена всадила заряд прямо в иллюминатор – и внутри кабины теперь бушевал огонь. Как зачарованный я смотрел на иллюминаторы – один за другим они взрывались, выплескивая наружу короткое, гаснущее пламя.

Зиновий повернулся ко мне. Очки у него сползли, шлем запотел изнутри. Глаза округлились будто блюдца. Он что-то орал, не сдерживая восторга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.